Существовать значит воспринимать (либо быть воспринимаемым).
Джордж Беркли

Стоящий в зелени сельского пролеска мост, ампутированный от проходящей где-то не здесь дороги, напоминал Синушину огромного бетонного слона. Сиденью скамейки, приваренной к узкой подмосковной остановке, недоставало досок: стоило прикрыть глаза, как или сам Синушин, или его туристический рюкзак проваливались в узкую дырку, и потому он млел в полудреме, вяло рассматривая бесполезное, отрезанное от своего предназначения сооружение.

Недалеко от него кружком стояла компания пожилых женщин. Они были в абсолютно одинаковых кружевных шляпках, различался только цвет.

– Я вам сразу сказала – тут. – Красная показала большим пальцем куда-то назад, за плечо. – Тут все ясно наперед.

Зеленая и оранжевая согласно закивали, перебивая друг друга:

– Понятное дело!

– Это-то уж точно!

Синяя была настроена не столь лояльно:

– Ну, я уж не знаю…

На что красная, поджав губы, процедила:

– Тут и знать нечего.

Синушин осмотрелся, но не заметил ничего особенного – деревянные домики вдоль дороги, по противоположную сторону которой стоял мост, чуть дальше – обшарпанное сельпо и большая старая церковь. За высокой колокольней из красного дореволюционного кирпича начинался густой сосновый лес. Чего такого однозначного могло случиться в лесу, если имелся в виду именно он, Синушин придумать не успел.

К остановке подъехал автобус. Фыркая выхлопными газами в утренний туман, он выплюнул толпу людей, размякших от прерывистого сна. Группа с рассадой и корзинками, с сумками и пакетами двинулась налево, вглубь деревни. Несколько помятых старичков без багажа, быстро сориентировавшись, пошли направо – к сельпо. Грузный мужчина в мятом костюме, обмахивая газетой свое широкое красное лицо, отмеченное под глазом острой коричневой бородавкой, широким шагом направился к зданию с табличкой «Управа». Шляпки поторопились за ним.

Откуда-то сбоку к Синушину подошел сухонький пожилой мужчина.

– Алексей. Гид, – представился он.

– Петр, – кивнул Синушин, – а где остальные?

– Так вон. – Алексей указал на автобус, сквозь пыльные стекла которого угадывалось очертание человека, прыгающего у высокой полки для

багажа. – Мы втроем идем, остальные что-то не доехали.

Со ступенек автобуса спрыгнула тонкая, как прутик, девушка лет шестнадцати, держащая на предплечьях перед собой огромный рюкзак. Разрумянившаяся от физкультурных усилий в салоне душного автобуса, она глубоко вдохнула свежий воздух. Синушину показалось, что девушка покраснела как-то странно, будто ровно наполовину. Присмотревшись, он вздрогнул: все ее лицо левее тонкого прямого носа было затянуто шрамом от старого ожога. Резко и неестественно изогнувшись, девушка взгромоздила на спину рюкзак; проверяя лямки, наклонилась вправо, влево, и кончики плотно запиханных в карманы длинных черных кос выпали. Почувствовать это было невозможно, но девушка механически, не глядя, засунула их обратно.

– Здрасте. Настя. – Подойдя, она подала Синушину руку.

Настина кисть была сильно повреждена в костяшках. Он задумчиво посмотрел на пятна и царапины и подумал только, жмут ли руку девушкам и не будет ли ей больно.

– Чего? Обожглась. Готовить не умею. Ну не хотите – не надо. – Она резко отвернулась, чем снова вырвала из кармана одну из косичек.

Не обращая на это уже никакого внимания, девушка отошла от остановки.

– Ты временами, это, не обращай. Она детдомовская, я думаю, – тихо сказал Алексей, провожая взглядом Настю, – ну или что-то… Но ничего. Вроде бы не злая.

Синушин поджал губы и промолчал.

Гид выставил перед собой колено, как бы приседая в выпаде, и плавным перекатывающим движением снял рюкзак. Прислонив его лямками к скамейке, он крикнул Насте:

– Будь добра, посмотри за вещами пять минут! Мы с Петром до сельпо дойдем.

Настя демонстративно промолчала. Гид резко выдохнул носом и, шагнув ближе, сказал ей в спину:

– У тебя время-то есть, Насть. Ну. Чтобы подумать еще раз. Где-то минут пять-семь. Можешь потом вот на нем же, – Гид кивнул на автобус, – обратно уехать. Но за вещами присмотри.

С этими словами Гид похлопал Синушина по руке, приглашая идти за ним.

– Вы тут уже водили группы? – поинтересовался тот, пиная по пыльной дороге серую пластмасску выгоревшего на солнце клапана от пакетированного вина.

– По этому маршруту нет еще, но в лесу здешнем бывал. Красивые места.

Синушин пожевал губами и продолжил:

– Шестьдесят километров, да? Разнообразный будет маршрут?

– О, еще какой разнообразный, – сказал в сторону Гид, толкая дверь сельпо.

В магазине пахло разлитым пивом и мороженым мясом. Жилистая усталая продавщица сидела за прилавком и, опершись на кулак, играла на телефоне в шарики, глядя в экран наполовину затертым молочным бельмом взглядом. Она не замечала ни спящего на полу мужчину, рядом с которым лежала опрокинутая пивная банка, ни вошедших только что Синушина и Гида, обходящих липкую лужу.

– Шесть по полтора воды обычной, пожалуйста, – сказал Гид, роясь в кармане в поисках денег.

Продавщица нехотя отложила телефон, медленно встала и наклонилась к ящику с бутылками.

– В поход идете? – услышали они из-под прилавка.

Гид промолчал, но Синушин с тихой гордостью ответил:

– Да.

– А зачем? – На прилавке появились три бутылки воды, и женщина скрылась вновь.

– Туризм, – неуверенно сказал Синушин, вынужденный теперь поддерживать начатый им диалог.

– Делать вам нечего. Ну, молодцы.

Обломанные ногти, покрытые сколотым перламутровым лаком, лениво пощелкали по засаленным широким кнопкам калькулятора. Получив на экране нужную сумму, женщина показала экран Гиду.

– Надолго идете? – Она медленно хлопнула белесыми ресницами, ни капли не выражая интереса к беседе.

– На три дня, – сказал Гид, тоном показывая, что разговор окончен.

Продавщица тупо уставилась на него, держа в руках сдачу.

– Воды-то не маловато на три дня?

– Мы к реке идем.

Она словно на секунду выплыла из молока невнимания, свела брови к переносице и посмотрела на них внимательнее. Гид спокойно выдержал взгляд. Три секунды поиграв в гляделки, она сморгнула и вновь расфокусировалась, отсчитывая сдачу.

– Хорошо сходить.

Когда они вернулись к остановке, автобус уже уехал. У скамейки стояла Настя и, пыхтя, надевала и снимала рюкзак, выставив ногу вперед по примеру Гида.

– Неправильно делаешь, – сказал он, берясь руками за основание ее лямок, – суть в том, чтобы не дергать спину. Движение должно быть плавным, без напряжения в спине. Давай-ка подальше ее.

Едва не свалившись в придорожную лужу, Настя выставила вперед правую ногу.

– Ближе! И приседай чуть-чуть. Села до пола… Тихо! Вот так. Теперь снимай левую лямку. Вот. Держись за правую и тяни. Перехватывай, перехватывай! Вот так.

Аккуратно опустив рюкзак, Настя подняла глаза на Синушина и вдруг улыбнулась.

– Пойдем?

Гид распихал бутылки по рюкзакам, отрегулировал всем лямки и махнул рукой в сторону дороги, показывая направление.

– Наслаждайтесь открытой местностью. Сегодня лес будет густой, до завтра солнца не увидим.

Синушину было жарко. Он то и дело проверял длину лямок, нервно поправлял зажеванные ремнями шорты и уже сто раз подумал о том, почему он здесь. Жара, общее неудобство и почти спортивный темп не позволяли ему всецело наслаждаться летним днем, скорее напротив – заставляли желать скорейшего отправления в день насколько возможно пасмурный, даже осенний. Максимально, по крайней мере, исключающий нависший над головой палящий диск.

Сколько Синушин себя помнил, он мечтал пойти в поход. Это совсем не означало того, что Синушин с детства хотел стать туристом, просто он помнил себя отчетливо где-то с середины жизни.

Синушин родился в 1973 году в стране, которая верила в технический прогресс, пионерский распорядок дня и победу великого социализма.

Его молодые родители, которых однажды свел темный угол за сваленными у совхозного клуба поленьями, долго не размышляли над новостью о неожиданном появлении младенца: особенно они ему не радовались, но и не грустили ни капли. У них вообще не было привычки как-то оценивать происходящее, они просто позволяли жизни течь сквозь себя и безропотно принимали каждый поворот ее движения. От маленького Пети спешно поженившиеся Синушины тоже никогда ничего не хотели, они просто позволяли ему расти: царапать коленки, выбивать молочные зубы и падать с деревьев, словом, допускали все обычные детские дела, которые произошли бы так или иначе вне зависимости от их решения.

Вообще, родители занимаются ребенком в трех случаях: если это обычная семья, каждый в которой понимает, что неслучайно оказался в этом любопытном обществе; если кому-то из них нечего делать; если общественность давит примером. Синушины оказались втроем практически случайно, работы у них, переехавших в город по лимиту большого промышленного завода, было до конца следующей пятилетки, а общественность примером не давила – по соседству жили такие же бывшие колхозники, и такие же дети колхозников болтались по двору рабочего общежития между серым бетонным забором и залитой для катания горкой, и все было у всех одинаково.

Одинаковое пугало Петю своей незаметностью. Если бы кто-то сказал ему, что вместо Бога, которого вроде как и не существовало, над миром нависает голова ученого, то он побоялся бы, что этому ученому может что-нибудь понадобиться: например, расчистить немного места для своих экспериментов. В этом случае их типовой хрущевский дом снесли бы, конечно, как часть ничем не примечательной серой массы, простирающейся на несколько километров вправо и влево, а оставили бы, может, только Дом колхозника, и потому все детство Синушин старался играть ближе к нему – этот Дом, казалось, не тронут никогда, и Петя старался быть причастен. Иногда, когда никого не было рядом, он упирался руками в выбоины его колонн и воображал, что если небесный ученый заявится прямо сейчас, то его, Петю, героя, держащего такой важный дом в одиночку, заметят и заберут, наверное, в какие-то важные места, где все носят белые халаты, обмахиваются широкими тетрадями и без конца поправляют квадратные очки с толстыми стеклами.

Единственное желание, которое отчетливо формулировалось Синушиными, – чтобы их сын что-нибудь делал. Они так и говорили:

– Петя, в этой жизни нужно что-нибудь делать.

Бывало, отец подзывал его к себе, усаживал рядом и назидательно изрекал:

– Петечка, у нас такая жизнь, что нужно что-нибудь в ней делать, а то все.

Иногда мама, впечатленная разговорами на работе, повторяла за кем-то:

– Петр, важнее всего для человека – найти свое дело.

А затем устало добавляла, выковыривая из-под ногтей мазутную черноту:

– В любом случае, что-то делать надо.

И было много всяких разных вариаций этой фразы, которая видоизменялась с течением времени

и ввиду обстоятельств, но оставалась, по сути, одинаковой: «Было бы здорово, если бы тебя наконец-то прибило к какой-то работе, и ты занялся бы ей, и перестал бы конопатить нам мозги».

Так что Петя мог хотеть чего угодно, но делал что положено. После восьми классов школы он окончил ПТУ по одной из машинисто-конвейерских специальностей и устроился на завод. Родителей это устроило вполне (впрочем, их устроило бы что угодно), они к тому моменту уже получили шесть соток за городом, Петя съехал, и на этом их общение, вопреки плакатам про счастливые ячейки советского общества, практически иссякло.

Рабочая бытность Синушина развивалась по обычному пролетарскому пути: ежедневно он по кирпичику строил светлое будущее для миллионов сограждан. Все закончилось поздней весной 2003-го.

Процессы, начавшиеся за территорией завода в конце 1991 года, более десяти лет медленно влияли на жизнь его работников. Сначала завод разделили на самостоятельные государственные предприятия. На деле это выражалось в том, что закрыли несколько цехов. Синушина не тронули, и он продолжал переворачивать листы вплоть до кризиса 1998-го, который запомнился ему частыми поездками за картошкой на родительский огород, разбавленным, почти прозрачным молоком из бидона и преобразованием завода в акционерное общество открытого типа. Последнее было, конечно, совсем непонятно, но фактически означало, что листы теперь переворачивает один Синушин, а директором завода становится почему-то его бывший бригадир.

Через несколько лет пришел новый директор. Он приказал остановить печи и выключить станки, потом привел каких-то людей на тягачах, потом все куда-то увезли, и сам директор тоже уехал, оставив после себя группку по-деловому одетых людей, которые составили алфавитный список работников и вызывали их к себе по одному.

Таким образом, последний гвоздь с территории завода вынесли уже упомянутой поздней, холодной весной 2003-го.

В ожидании своей очереди Синушин должен был каждый день приезжать на работу, на которой без переворачивания листов было невообразимо скучно, и потому ему приходилось развлекать себя самостоятельно.

Две тысячи третья весна вступила в свои права: потеплело, и объемные реки талой воды хлынули прочь с плоских крыш завода. Толкаясь, они собирались у воронок водостока, стремительно падали вдоль него, а затем шумно растекались по бугристому асфальту. Часть воды, радостно бликуя на солнце, утекала в решетку; часть застаивалась в глубоких лужах, переливаясь радужными разводами. Синушин оглядывался, проверяя, что вокруг никого нет, растопыривал пальцы, и со звуком «сшшш» вел вытянутой рукой за каким-нибудь мусором, плывущим по поверхности лужи. Любой, кто увидел бы его тогда, немедленно понял бы, что Синушин управляет водным потоком. По счастью, его никто не видел.

Синушина оставили. Закрытый завод нужно было кому-то сторожить, и позвали его, и он пошел, а почему бы и нет. Это было какое-то занятие, за которое платили какие-то деньги, и Синушину это вполне подходило. Он никогда не видел «новых горизонтов», о которых все говорили, не замечал никаких «возможностей нового рынка», которыми многие пользовались, и не стыл ни с кем на «сквозняке свободы». По примеру своих родителей он не думал, а просто жил, потому что думать был не приучен.

Синушины, которые были правы мало в чем (потому что попросту ничего никогда не заявляли – не было у них такой привычки), совершенно справедливо считали, что в жизни надо что-то делать. И нельзя сказать наверняка, как это в итоге получилось, но дело для Синушина нашлось.

Дело в том, что до технического этажа, прямо за входом в цех №6, располагалась заводская библиотека. Синушин открыл ее дверь в один из обходов, просто от нечего делать – вся недостача по сну была закрыта, водные потоки испарились на летнем солнце, а муравьи проложили альтернативный и очень неудобный Синушину маршрут вдоль помойки. Рассматривая с порога длинные стеллажи, он подумал, что, пожалуй, почитать было бы неплохо. Он зашел, остановился в пыльном луче пробивающего сквозь грязные стекла солнца, коротко оглянулся и пошел прямо к торчащей из стеллажа бумажке с выведенными по трафарету чернильно-красными буквами «ТЕХНИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА». Синушин рассудил, что когда завод снова откроют, все будут проходить какую-нибудь проверку, и если он сможет ответить на все вопросы для старшего смены, то его, конечно, сразу же поставят на эту должность.

Но ничего не вышло: схемы гаек и болтов, настройки оборудования и даже техника безопасности не подходили ни к работе Синушина, ни к имеющимся на заводе станкам. Кроме того, вопреки всем законам биологии, гласящим, что здоровый человек не может спать больше тринадцати часов пятнадцать суток подряд, Синушин упал лбом в корешок

пятой страницы и проснулся только спустя полчаса с сильной головной болью.

– Да в конце-то концов! – тихо воскликнул он и, вскочив с раскладушки, в три минуты оказался перед дверью в библиотеку.

«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» – вот. То, что нужно.

Нескучно, просто, с картинками.

Книга «Быть, а не казаться» с решительным пионером на обложке. Обложка бумажная, каким-то острым углом пионеру смазало правый глаз, но все равно было понятно, что он смотрит вдаль просто и прямо, со звонкой уверенностью. Синушин взял книгу и спустился обратно в свою комнатку, не заметив даже, что муравьи пошли старым маршрутом и стали вновь, таким образом, открыты к ударному труду.

«Быть, а не казаться» оказалась книгой воспитания для мальчиков. Первая ее часть была уделена распорядку пионерского дня (7:00 – подъем, 7:15 – зарядка. Синушин представил, какой бы получился номер, если бы он вдруг начал приседать в 7:15 посреди их единственной комнаты, пока отец мечется по ней между гладильной доской и щеткой для ботинок), вторую авторы посвятили опасностям, которые поджидали взрослеющего молодого человека. Затягиваясь и держа книгу на весу, Синушин разглядывал картинку, на которой два посеревших, хиленьких пионера грустно плелись рядом с уголовного вида зачинщиком, держащим в руке пачку «Примы», а их третий друг, удержавшийся от яда румяный герой, стоял поодаль в одиночестве и тягал гантель.

С первой страницы четвертого раздела Синушину махал взрослый, с молодости отъедавшийся кашей и качавшийся зарядкой, некурящий и непьющий пионер в тряпочной панаме и гольфах, из-за спины которого торчал самурайского вида сачок для ловли бабочек. Сачок Синушин как-то пропустил, его внимание приковала стоящая на заднем плане треугольная брезентовая палатка, воплощенный аналог которой он как-то видел во дворе, куда ее ставил сушиться сосед-турист.

Несколько следующих осенних месяцев Синушин читал и перечитывал четвертый раздел. Ориентирование по природе и по компасу, различные типы костров, первая помощь – внимание, поначалу цеплявшееся только за картинки и самые интересные детали, вскоре расширилось, замедлилось, и Синушин прочел и комментарии к картинкам, и рамочки с дополнительными фактами, и каждую из справочных сносок. Незаметно для самого себя он перетаскал из библиотеки все книги, в которых хотя бы косвенно говорилось о походах и туризме, и застрял в них на долгие месяцы. Мечтательность, присущая Синушину с детства, наконец трансформировалась из управления муравьями, водными потоками и спасения Дома колхозника во что-то более приближенное к миру за окном.

Окончательно перебравшийся в комнатку сторожа, Синушин заворачивался в толстое ватное одеяло, задергивал шторку окошка, за которым лил дождь, и переносился из своей теплой кровати в ветреные миры героев-выживальщиков, которые спали над обрывами, питались подножным кормом и ежедневно проходили нечеловеческие расстояния.

Последние пятьсот метров перед очередной остановкой могли именоваться «Палящий предел» или «Последнее дыхание героя»: Синушину сильно натерло ноги, и он ужасно устал; вдобавок оказалось, что его шорты с вышитым металлически-красными нитками наименованием «Туристические» крайне вероломно не соответствуют своему названию.

– А далеко остановка, эээ, KRAYNAYATRYASINA? – спросил Синушин, всматриваясь в одолженный Алексеем навигатор.

– Час где-то, – заключил Гид, рассматривая карту.

– Может, за полчаса успеем?

Гид еле заметно помотал головой и показал глазами на стоящую перед ними Настю.

– Устала? – спросил Синушин, протягивая ей бутылку воды.

– Нисколько, – ответила она, жадно глотая, – можем идти.

Гид улыбнулся, взвалил рюкзак и махнул рукой вперед.

К вечеру, когда навигатор коротко пропищал, оповещая о прибытии на стоянку, Настя одним неправильным движением сорвала со спины рюкзак, молча кинула его на землю и упала сверху. Синушин мог бы заметить, как дергаются Настины плечи, но он ничего не заметил, и тихо радуясь тому, что больше не нужно идти, думал о своем, разматывая веревки на чехлах спальника и палатки.

– Помочь? – спросил у Синушина Гид, подходя со спины.

Это бы не повредило – много раз Синушин собирал и разбирал палатку дома, но одно дело – там, и совсем другое – на природе, где воздуху скучно висеть на месте неподвижно.

– Зачем мы встали на возвышении? – недовольно спросил Синушин вместо ответа, путаясь в шуршащей на ветру ткани палатки. – Дует!

– Затем что дует, затем и встали. Или ты комаров любишь? – спросил Гид, поднимаясь.

Он пошел к Насте, которая недавно сползла с рюкзака на землю и теперь развязывала тесемки.

Синушин чертыхнулся и нервно всунул дугу в петли палатки. Здесь не будет как в книжках – он это понимал, но из вредности еще по-настоящему не понял, и потому винил во всем всех, кроме себя. Спустя полчаса лагерь был собран, и Алексей пригласил свою небольшую группу к старой кривой березе.

– Я спать хочу, и меня комары жрут, – пробурчала Настя, кутаясь в разноцветную олимпийку.

Гид проигнорировал ее реплику и повернулся к ним с самым увлеченным видом:

– Интересно узнать, что в добыче огня важнейший момент – это попасть искрой дважды в одно место, вот смотрите.

Синушин подошел ближе и увидел, что Гид прислонил трут к палочке кремния и начал высекать искру напильником. Ничего особенного не было заметно, но спустя считаные секунды коричневая ватка задымилась. Гид обернул трут березовой шелухой, аккуратно опустил получившийся ком на землю и прикрыл его охапкой лежащих тут и там тонких веточек.

– Важнейшее дело, – повторил он, аккуратно дуя внутрь тлеющего шара. – Огонь всегда дает тепло и защиту от животных. Туристы первым делом бегут за палаткой, а мое мнение, что надо в первую очередь кремень покупать.

«Здравствуй, отец, где тут главный?» – всплыл в голове Синушина грубый голос, принадлежавший квадратному мужчине в спортивном костюме, который пришел в заводскую сторожку Синушина в далеком две тысячи третьем году.

Тридцатилетний Синушин был не женат и пасынка такого за собой не помнил, но было предельно понятно, что лучше не острить, и потому он поднялся в кровати на локтях и ответил серьезно, что самый главный из всех, кого он знает, придет через неделю и принесет ему зарплату и что, если нужно, он может ему что-нибудь передать.

Шкаф кивнул, двумя пальцами выудил из поясной сумки картонную карточку, затем залез в другой ее карман, достал стодолларовую купюру и сунул все Синушину в ладонь:

– За беспокойство.

Затем он вышел из сторожки и аккуратно прикрыл за собой дверь. Синушин, тупо моргая, смотрел на зеленую бумажку.

«Спальник? Палатку? Нет, рюкзак. И спальник. Или палатку? Или на все хватит? Надо бежать. Куда? Был где-то. Где? За поворотом. Но когда! Сто лет назад. А доллары, наверное, примут? Или! Или лучше рублями! А как? Или…»

Он лихорадочно забегал по пяти квадратным метрам комнаты-сторожки, поднимая своим движением вихри воздуха, которые колыхали вырезки из книг, приколотые разноцветными перламутровыми булавками к обоям.

«Вещи, которые можно не брать в поход».

«Пять неизвестных применений ижевской пенки».

«В Хибинах сходят ла» – лавины, видимо, сходят в Хибинах, но дело в том, что Синушин отогнул край газетной вырезки, чтобы посмотреть номер телефона, нацарапанный на обоях.

– Алло, это Петр, день добрый. Да. Тут мужик какой-то… Ну… Ну да. Ага… Да, похож. Нет, больше ничего. Я номер продиктую.

Кинув трубку на рычаг, Синушин шумно выдохнул и побежал собираться. Через полчаса он запирал дверь на ключ, в сотый раз перепроверяя деньги в кармане. Спустя несколько кругов «Так? А может, так?» было решено взять как зеленые, так и деревянные, и он вышел наконец за территорию завода.

Сумерки спустились на зимний город и окрасили его в сине-серые тона; звонкую тишину перебивал только негромкий треск фонарей, высветляющих вдоль пустой автомобильной дороги желтые куполки теплого света, в которых кружились, подчиненные игре несуществующего фортепиано, рыхлые хлопья пушистого снега. Синушин остановился, восхищенный. Он знал, конечно, что наступила зима, но вышел из своей каморки так далеко впервые за последние несколько месяцев. Сделав пару шагов, он задержался рядом с автобусной остановкой и задрал голову вверх.

Было где-то около тридцати ниже нуля – воздух, в сравнении с натопленной сторожкой, необычайно свежий. Кислород ударил Синушину в голову, и ему захотелось крикнуть, как кричат покорители горных вершин, как кричат триумфаторы, уверенные в том, что на много километров вокруг никого нет.

Он резко выдохнул остатки прелого духа сторожки и, широко раскрыв рот, набрал полную грудь морозного воздуха, собираясь издать победный клич; ледяной поток пролился внутрь и заполнил легкие. Синушин, задумавший громкое «А-а-а!», почему-то только сипло крякнул. Сине-серый мир подернулся чернотой, ледяной скользкий ком развернулся внутри, каждая попытка выдохнуть превращалась в, напротив, судорожный вдох, от чего в груди ломались ребра и все горело. Выпучив невидящие глаза, он сделал шаг назад и поскользнулся.

Сине-серый мир подернулся чернотой, ледяной скользкий ком развернулся внутри, каждая попытка выдохнуть превращалась в, напротив, судорожный вздох, от чего в груди ломались ребра и все горело.

Напоследок дернувшись вверх, мир окончательно утонул в черноте.

Яркое воспоминание настолько захватило Синушина, что он и не заметил, как разгорелся костер, и включился в происходящее он только тогда, когда Настя сзади подкатила к нему широкое бревно.

– Вместо сиденья.

Только Синушин собрался садиться, как Гид вскинулся:

– А ну стоп!

Синушин замер в смешной позе над бревном, Настя непонимающе выглянула из-за него.

– Бревна не катать! На мокрое не садиться!

Фыркнув, Настя демонстративно уселась на дерево. Спустя мгновение она потрогала ткань штанов и с каменным лицом встала рядом с Синушиным. Закинув последние две палки в огонь, Гид уложил на бревно разноцветную туристическую пенку и показал рукой, что можно садиться.

– Чтобы больше тяжелое не катала, – сказал он, глядя прямо на Настю, – спину сорвешь, что делать будем? Чай, не Франция, на вертолетах за тобой никто не полетит. Ясно?

– Мгм, – буркнула Настя под нос, заинтересованно разглядывая что-то в лесу.

– Я не слышу, ясно или нет?

– Я в армии, что ли? – вспыхнула Настя. – Ясно!

– Ты чего, а? Лезешь везде, – примирительно сказал Гид, ввинчивая в землю у костра две толстые рогатины, – спокойнее надо быть. Ты же девочка.

Настя хмыкнула, и на секунду ее лицо ожесточилось.

– Девочка…

Шмыгнув носом, она прокашлялась и почесала щеку, размазывая по ней не успевшего взлететь комара. Гид вопросительно поднял брови.

– Я знала одного мужика, лет в двенадцать. Нас тогда повезли в летний лагерь, всем домом. Отдельным отрядом, конечно.

Синушин не понял, к чему это, и взглянул на Настю, которая не смотрела никуда, вперившись в ничем не примечательное место у костра, и говорила в воздух, словно бы не заботясь о том, слушает ли ее вообще хоть кто-нибудь.

– Там деревня была, за рекой. То есть вот лагерь, за ним река, за рекой забор метрах в пяти, за забором – лес. А через три километра леса деревня. Он оттуда, видно, и пришел. – Настя немного поежилась и продолжила: – Это я сейчас уже понимаю, что по мне сразу было понятно, кто мы. И по мне… Знал он, что никто, если что.

Гид тихо встал и повесил на проволоку между рогатинами котелок с водой. Отмахнувшись от очередного комара, Настя продолжила скороговоркой:

– У реки был дворничий сарай, мы с ним туда ходили. Он обещал, что заберет меня к себе, в свой большой дом с широкими этими… пристроями, и резными воротами, как во дворце, и еще говорил, что машина у него есть, и магнитофон, и целый ящик кассет. Мне – тогда – представляете? Знал он, конечно, что думать тут нечего, но все повторял – подумай, подумай. Я все боялась, что кто-то нас увидит. Он ведь сказал, что если что – обоих в тюрьму посадят, до конца жизни. Но никто не увидел, ничего и никогда. А однажды, прямо перед концом смены, он не пришел, и я все поняла. Ну, постояла немного у ангара да пошла по мосту обратно, в лагерь. На мосту были курицы, наверное, деревенские, а я тогда их вообще в первый раз в жизни увидела, и потому остановилась. Они почти сразу убежали, а я осталась стоять. Помню, смотрю вниз на воду, а волны вверх бегут – и ощущение, как будто я вдоль воды лечу. Видно, долго это продолжалось, потому что уже стемнело и меня искать начали: за мостом сразу вожатая налетела и начала кричать, что у меня юбка мятая, и что нельзя с нами, как с нормальными, и так далее. Лупила меня и все повторяла: ты же девочка, ты же девочка. А может, и не повторяла, может, один раз сказала, а я просто так запомнила…

Синушин сидел, разглядывая свои ботинки. Гид вел себя спокойно, будто не обращая внимания на Настю, сомнамбулой качающуюся из стороны в сторону над костром, но паузу заполнить тоже не спешил.

– Вечером, в день нашего отъезда, его с домашней девочкой поймали. Там же, у ангара. Он ведь даже не думал, что я туда приду, – мы утром должны были уехать, да автобус сломался. Я специально и не шла, такого не помню – просто, ну, как-то там оказалась. Вожатые его за руки крепко держали, а напротив стоял Федор Алексеевич, наш дворник, и кричал на него, плакал, метлой махал, а тому уроду все было как слону дробина. За дворником девочка эта стояла, с петушком. Стояла и улыбалась. У дворника, когда он кричал, голос иногда как женский становился – тоненький такой. Он только сорвется на визг, она улыбается. Совсем, видно, ничего не понимала. Маленькая была, младше меня.

Настя подняла глаза на Гида и перестала качаться.

– Он ей конфету купил.

– Конечно, – спокойно ответил он, – такие всегда знают, кому конфету, а кому обещания.

Настя медленно моргнула и растерла глаза кулаками:

– Ладно. Вы, главное, не заморачивайтесь особо. Я вот уже да-а... – Она широко зевнула на полуслове. – Давно не заморачиваюсь.

Настя отошла, расстегнула вход в свое временное жилище и скрылась в тамбуре. Спустя несколько секунд она погасила свет.

– Ты ведь сразу понял, – прервал молчание Синушин, кивая в сторону черно-зеленой палатки, едва различимой на фоне темного леса.

– Потому что заметно, – сказал Гид, наливая кипяток в чашку.

Синушин вздернул брови.

– И как же?

Гид промолчал. Он насыпал из пакета сахар и медленно отпил чай.

Он мог бы сказать Синушину, что каждый день ему снится один и тот же сон, как его взяли за шиворот и кинули в грузовик. В кузове – узкая скамейка и стены в налете холода, который он чувствует, как настоящий, каждую ночь, когда пытается не упасть на скользком полу грузовика, – как день ото дня хватается за какой-то выступ и пристает к железу кожей. Мог бы рассказать, как запрыгивает один из них, в грязном сером тюрбане, как толкает к скамейке, как прищелкивает правое запястье к трубе над потолком, как с сильным акцентом приказывает садиться, хотя сесть невозможно, потому что слишком высоко прицепили, и про то, как он висит в сантиметре над сиденьем и едет на полусогнутых, молясь, чтобы они не заметили. А им, вообще-то, все равно, им просто хочется вернуться и продолжить спать, они широко зевают.

Потом грузовик останавливается, двери открываются. Его отцепляют, толкают к выходу, и он прыгает на землю. В его сне всегда поздняя осень, и земля потому такая твердая, что даже колеса тяжелых афганских грузовиков вспахивают ее неглубоко. Они говорят снять и аккуратно положить ватник на край кузова, потом толкают в спину чем-то острым. Они каждый раз попадают по нерву, под лопатку. Он каждый раз дергается. Они каждый раз смеются.

И вот он идет по сухой земле, и ветер дует в затылок, и снег вокруг немного кружится, и ему почему-то совсем не холодно. Где-то ближе к концу он замечает следы крупного животного, замечает их, пока шагает от грузовика вон туда, куда сказали.

Потом они свистят, говорят стоять и поворачиваться. Их трое, он один. Они что-то кричат, какие-то основания, обоснования – они метрах в тридцати, он их очень плохо слышит. Речь каждый раз обрывается на полуслове.

Потом приклад упирают в плечо.

Потом стреляют.

Все.

Во всем этом была одна тревожащая странность. Хотя предельно понятно, что этот морок, ежедневный сон, по очевидным причинам не мог происходить никогда, Алексей знал, что он все-таки происходил, и происходил по-настоящему. Точнее, так – разумеется, по-настоящему. Он и знал, и в то же время будто и не знал, и потому-то ничего и не стал объяснять Синушину про эту девочку, про то, почему по ней видно, что она тоже в такое утро заметила бы на земле следы животного.

– Вот так.

С этими словами Гид поднялся с бревна и скрылся в темноте, не освещаемой светом костра. Спустя какое-то время Синушин услышал визг молнии со стороны его палатки, поставленной в широкой низине неподалеку. Дрожащими руками он поднял с земли палку и резким движением вонзил ее в самую середину костра.

Синушин их не боялся и не осуждал, дело было не в этом – но почему такие люди занимаются походами? Синушин страдал от того, что все пошло не так. Он понимал в то же время, что неудобство было ерундовое, исключительно номинальное – мало ли кто мог попасться в попутчики, и даже более неудобные и странные люди, да сколько угодно. И Синушин перестал бы расстраиваться, если бы

просто обдумал все это, но дело в том, что думать он не желал, он просто устал и хотел себя пожалеть – потому что жалеть себя он вообще-то любил, да и просто себя – тоже.

В тот вечер, когда Синушин задохнулся воздухом на остановке у завода, сознание вернулось к нему на металлическом холоде каталки, рядом с которой беседовали медсестры приемного отделения. Они никак не могли договориться, нужно ли везти больного в пульмонологию, и если везти – то зачем, и что теперь, нужно со всеми делиться, что ли, ты меня знаешь, я ведь не для себя, Марин, мы ведь не украли ничего, мы только предложим, а там уже он сам, да-да, нет-нет.

Синушин медленно приходил в себя и не понимал смысла слов, заполнивших все пространство вокруг. Он чувствовал только, что страшно хочет в туалет.

– Мужчина, вы что!

Одним неожиданно сильным движением тонкая медсестра толкнула начинавшего подниматься Синушина обратно на подушку. Хмурясь, он взглянул на нее и вздрогнул от неожиданности – на глазу у симпатичной медсестры было бельмо, и с его ракурса она выглядела жутковато.

– Лежите пока, – мягко сказала ему полная медсестра, – у вас на морозе случился легочный приступ, и вы потеряли сознание.

Она вызывала у Синушина больше доверия, и потому с вопросом о том, чего теперь делать, он автоматически обратился к ней.

– Ну, чего, мужчина, делать… – влезла тонкая. – Процедуры нужны.

Раз он падает среди улицы в обморок, то, понятное дело, нужны процедуры. Раз нужны – надо делать. Да?

Тонкая медсестра громко выдохнула и закатила глаза:

– Не все так просто.

Непросто было потому, что если такого пациента, как он, по уму смотреть, то надо хотя бы функцию внешнего дыхания проверить. И вот если бы понять наверняка, то, конечно, неплохо бы ему лекарств покапать.

Рука у тонкой медсестры была сухая и теплая, и она смотрела на него крайне доверительно, и ей было очень, очень жаль, что провести необходимое обследование невозможно, потому что всю аппаратуру из больницы утянули, а здоровому человеку кто же даст лекарства? Никто не даст. Без обследований ничего, да, абсолютно ничего дать не сможем, вот такая у нас в стране бюрократия.

Медсестра скорбно улыбнулась, отошла к столу и села за заполнение книги.

Синушин вспомнил ощущение ломающихся в груди костей и, прокашлявшись, спросил.

Хотел спросить, точнее. Хотел, но осекся: он никогда в жизни не давал взяток, и он боялся. Он хотел бы, чтобы как-то обошлось, он никогда не слышал, чтобы кто-нибудь из его знакомых давал кому-то деньги. Коньяк – да, еще конфеты дарили, а если что серьезное, то менялись: мы вам, а вы нам, рука руку моет, за талон на польскую мебель забирайте два билета в театр, спасибо, вам спасибо большое, до свидания.

И еще очень хотелось рюкзак.

Может быть, ну вдруг, если в другой больнице еще осталась, то он бы сегодня же.

– Нигде такой аппаратуры уже нет. Дорогая слишком, чтобы бесплатно стоять.

Синушин мелко задрожал, глядя в потолок.

Полная медсестра ушла доставать шприцы из стерилизатора.

– Петр, – повернулась к нему тонкая, облокотившись о спинку стула, – вообще мы можем, конечно. Но как бы… неофициально.

Синушин кивнул и достал из кармана рубли.

– Эх, – похолодела она в ответ.

У Синушина внутри все упало.

– Но вы ведь и валютой располагаете? У вас выпали. Вон они, в ящике лежат. Так вот с вашей этой сотней как раз на все хватит.

Голова болела просто ужасно, и еще болело горло, и каждое звонкое слово отзывалось в черепной коробке, как в пустом зале консерватории. И все еще хотелось в туалет.

Может, он ничем и не болен, а просто вышел на мороз, и все это…

– Мужчина, ну что, надумали? Или выписываемся? – Медсестра ткнула концом ручки куда-то в журнал.

Ну а если все-таки? Тогда ведь точно никаких походов.

И Синушин сдался.

Медсестра кивнула, улыбнулась и подняла трубку дискового телефона.

Спустя полчаса она показала, где туалет (наконец-то), и они поднялись на второй этаж, в процедурную. Синушин был усажен в кресло у двери, а медсестра зашла за ширму на другом конце кабинета, где стояла Марина с большой стеклянной бутылкой в одной руке и прозрачной целой ампулой в другой.

– Это что? – тихим, неслышным Синушину шепотом спросила тонкая медсестра, показывая глазами на колбочку.

Марина перевернула ампулу названием кверху.

– Ты дура, что ли, Марин? – ахнула тонкая. – Убирай давай обратно. Обычный физик покапаем – и хватит. Лекарства еще на дурака переводить. Наверняка здоров, как слон. Ну ты даешь…

Состроив покрасневшей подруге страшные глаза, тонкая вышла за ширму и громко велела Синушину пересаживаться.

Посидев немного, Синушин дождался, пока исчезнет последний язычок пламени, и пошел спать. Стоило его голове опуститься в капюшон спальника, как он заснул крепким сном, в котором были плачущая Настя в детском платье, черные медведи, белые слоны, Марина, Марина и еще раз Марина.

То, что Синушин принял за черного медведя, на деле оказалось грузным молодым мужчиной в длинной черной рясе. Сначала он шел по лесу будто без особенного направления, но, завидев на залитой солнцем поляне Синушина, вышедшего на утренний туалетно-дровяной променад, мужчина широко заулыбался и, размашисто помахав, быстрым шагом пошел навстречу, продираясь сквозь колючие ветки низкорастущего кустарника.

– Здравствуйте, – торопливо поздоровался Синушин и протянул руку.

Мужчина заколебался, но, отряхнув ладони о рясу, дал руку в ответ, смущенно поясняя:

– Здравствуйте! Запачкался. Ягоды собирал.

– А-а-а, – бессмысленно протянул Синушин, внутренне паникуя. Он никогда не умел поддержать разговор. – А… А чего вы тут делаете? Далеко же от села.

– Дык я это, – подбирая слова, мужчина подергал себя за рыжую, еще короткую бородку, – дабы в лености не слабеть.

– А? – не понял Синушин, только полчаса назад выбравшийся на свежий воздух из насыщенной ночным дыханием туристической палатки.

– Ну зарядка у меня, вроде того, – досадливо пояснил священник, мелко шаркая ногой по сосновой подстилке леса. – Толстый я, – он похлопал себя по круглому барабану живота. – А вас как зовут?

– Петром. А вас?

– Григорием.

Вспомнив несколько фильмов, Синушин настроился на нужный лад, немного выпрямился и, будто бы между прочим, спросил со знающим видом:

– А как вас зовут в миру?

– Так в миру тоже Григорием так-то, – ответил священник и положил толстую сухую ветку на охапку Синушина. – Я что подошел-то. А у вас чаю нету? А то пить охота.

– Чай есть. – Синушин обрадовался тому, что может пригодиться духовному человеку. – Даже и с печеньем придумаем, если Гид разрешит.

Показав в сторону поляны лежащими на руках ветками для костра, он пригласил Григория за собой, аккуратно ступая по неровной земле высокими шагами.

– Так-то с печеньем не положено, – сомневаясь, протянул батюшка, шагая тем не менее следом, – ибо пост. Но путешествующим так-то можно. Пожалуй, одному печенью не воспротивлюсь. – Нахмурившись, он засопел. – Ну двум – край. Но только чтобы силы поддержать!

– Конечно, у нас больше-то и нет, – успокоил его Синушин.

Несмотря на ранний час, на поляне кипела жизнь. Гид перебирал собранную малину, Настя мыла посуду у реки. Жарко горел костер, в большом котле кипятилась вода.

– Ау, – крикнул Синушин, – у нас гости!

– А? – высунулся Гид. – А-а-а, здравствуйте! Добрый день!

– Доброго утра, – пробасил отец Григорий в сторону Гида, – не угостите ли чаем?

– Конечно, дрова принесете? – ответил он.

Григорий отвязал какую-то веревку и снял с плеч рясу, оказавшись в другой рясе, туго натянутой на животе настолько обширном, что блестящий золотой крест лежал на нем, как на подставке. Григорий аккуратно сложил тяжелое облачение на широкий пень, немного оттянул узкие рукава, хлопнул в ладоши и всем видом выразил Синушину свою готовность.

– А что это ты? – удивленно посмотрел тот. – В двух плащах, что ли?

Григорий снисходительно улыбнулся и пояснил.

– Это не плащи называется. Вот это, – он ткнул в лежащую на пне ткань, – ряса. А вот это, – он похлопал себя по бокам, – подрясник.

Синушин, не видящий между черными плащами решительно никакой разницы, показал на увязывавший рясу плетеный шнурок толщиной в палец, который Григорий намотал рядом на веточку:

– А это как называется?

– Это называется пояс, – терпеливо пояснил Григорий и накрутил вокруг палочки еще несколько витков, – раньше у меня был очень хороший пояс. Широкий и черный, и узоры на нем такие были –

как колосья золотые. Может быть, и настоящим золотом было выполнено, прости Господи. А потом я располнел, и мне наш настоятель, отец Макар, подарил вот такую веревочку. Красиво ведь?

Синушин на автомате согласился, силясь в невозможности сопоставить тридцатиградусную подмосковную жару с двумя плащами, а два плаща, в свою очередь, с бессмысленным тонким шнурком.

– У меня еще шапочка есть, – словно бы отвечая мыслям Синушина, похвастался отец Григорий, поднимая одно за другим тяжелые бревна, – называется скуфья. Она такая… На кубанку похожа. Но ее я не стал сегодня надевать, жарковато.

– Надо думать, – покачал головой Синушин, перехватывая дрова поудобней.

К чаю подошла Настя и молча села рядом на широкое, теплое от жара костра бревно, демонстративно не глядя на Григория, который стянул с ног носки и с наслаждением топтал еще холодную с ночи землю.

– А вот, например, знаешь ли ты, Петр, зачем бедуины в пустыне горячий чай пьют? – спросил он, перекладывая шишку с места на место пальцами ног.

Синушин пожал плечами и вопросительно поднял брови.

– Это так терморегуляция работает, – объяснил Григорий, шумно отхлебнув чаю.

– Действительно, – фыркнула Настя, ловко закидывая в рот остатки своего печенья, – надо тебе побольше вопросов задавать. Кто же, кроме тебя, нам все объяснит.

Отец Григорий достал из жирного полиэтиленового пакета последнее положенное ему курабье и протянул ей.

– Угощайся.

Она молча отвернулась.

– Бери, чего ты. – Отец Григорий потыкал ее печеньем в руку.

Покосившись в его сторону, Настя взяла подарок и целиком закинула его в рот.

– Тее вшо йавно вйедно. Наэна уэ хыхэтьки не ыдишь.

– Почему, вижу! Я ведь сижу. Вот если бы стоял, то не увидел бы, наверное, – бесхитростно ответил отец Григорий, – это я, кстати, так с плоскостопием сражаюсь, очень полезно выходит.

Задумчиво катая шишку вытянутой ногой, Григорий сказал:

– А я тут совсем недавно. – Григорий махнул рукой куда-то за спину. – Приехал храм восстанавливать, так и остался. – Он долил в кружку кипяток и продолжил: – Но служба тут – не служба, смирение одно. Нет, люди-то хорошие. Но мало их, мы ведь полный чин служим, а ради кого – ради трех старушек. У них проблемы какие – одна хлеб боится в пост есть, вторая соседку свою обманывает, третья детей не…

Резко дернувшись, Настя ударила рукой по кружке отца Григория, и кипяток, вырвавшись вверх, брызнул ему на лицо.

– Ты чего?! – вскрикнул Синушин, хватая с бревна сохнущую на солнце мокрую футболку, прижимая ее к лицу замершего батюшки.

– Молчит пусть! Что ему люди рассказывают, вроде бы нельзя говорить, нет? Кто тебе только крест на пузо повесил.

Настя брезгливо вылила остатки чая из своей кружки в высокую траву и резко встала.

– Допил? Проваливай.

Синушин повернулся, и так презрительно, как только мог, посмотрел на нее. Настя осталась стоять, не отводя от него злые карие, почти черные глаза, не мигая и не двигаясь. Ее черные косички, как всегда засунутые концами в боковые карманы узких джинсов, почти выбились наружу, тонкие загорелые руки висели вдоль тела, едва подрагивая. Во всем же остальном – замершем лице, наполовину изуродованном обширным ожогом, тонких, спокойно сложенных губах, даже в самой Настиной позе, расслабленной, но собранной, – царило полное спокойствие и глухая, с железным привкусом, злость.

Григорий всхлипнул. Синушин отвлекся от Насти и приобнял дрожащего батюшку. Она выждала еще секунду и отошла.

– Ты как, Гриша, порядок?

– Так и надо мне, – ответил он дрожащим голосом. – Такие-то вот и… А я-то… Ох, да когда же я уже…

Закрыв глаза, грузный батюшка затрясся всем телом и, заходясь в плаче, привалился к груди Синушина, размазывая по красным щекам обильно текущие слезы.

Синушин прокашлялся, зло посмотрел на собирающую палатку Настю, извинился перед Григорием и пошел в сторону лагеря, окликая Гида. Настя зыркнула, но ничего не сказала, продолжая утрамбовывать спальник в чехол.

– Алексей, – сказал Синушин, опираясь на сосну, – девочка совсем дикая, попа кипятком ошпарила. Она хоть нормальная?

Гид, задумчиво точивший тонкую палку, ответил:

– Нормальная. За что?

– Да вообще ни за что!

– Понятно.

Орешник хлестал по спине сгорбившегося Григория, который большим черным пятном разрывал пестроту леса.

Гид убрал ножичек в карман штанов, выкинул наточенную ветку в траву и собрался отойти.

– Стойте! Что делать-то будем?

Гид остановился, взъерошил короткие седые волосы и потянулся:

– Видимо, сегодня остаемся в лагере. Дождь.

Лес действительно заволокло шумом падающих с потемневшего неба тяжелых капель дождя. От дальних кустарников поднялся ветер. Начав порывисто, качая одни только кончики листьев, он очень скоро разошелся, и вот уже его плотным потоком загнуты на один край, к поляне, ветви орешника. Орешник хлестал по спине сгорбившегося Григория, который большим черным пятном разрывал пестроту леса.

– Гриша, пойдем под тент, промокнешь. Гриш, – позвал его Синушин, держа в руке захваченную с пня рясу.

– А мне знаешь какой сон сегодня снился, – шмыгнул поднявший воспаленные глаза Григорий, – смешно сказать.

– Гриш, ну пойдем, ливень, – сказал Синушин, показывая в сторону тента, под которым стояла сложившая руки на груди Настя.

– Ты погоди, – Григорий бегло посмотрел туда же и отвернулся, – дай тут расскажу. Снится, что иду по широкому мосту, а сразу за ним длинное здание, вроде как ангар или склад какой. Двери хочу толкнуть – сами распахиваются. Внутри столы стоят, а вдоль них рожи кривые, бандюжьи. Ну, чисто кино. Я – в полном облачении. Подрясник, ряса – ну, как сегодня. Шапочка еще. Захожу и чувствую, что в руках у меня пистолеты. Они не видят – рукава-то широкие. Отдавай, говорят, Григорий, шапочку. А я так разозлился, и пистолеты достал, как крутой, и всех пострелял. Стою, огонь сзади горит. Бандюки вокруг лежат. Я рот открываю помолиться и слова сказать не могу.

Синтетическая ткань облачения насквозь промокла и прилипла к спине Григория, вода с волос стекала по лбу и без труда перекатывалась через светлые, стоящие домиком брови. Ничего не замечая, он часто моргал, не останавливая лихорадочного рассказа:

– А какой поганый сон, скажи, а? Крутизна какая-то дьявольская. Вот не сказал, вот и вот, – он показал коротким пальцем на Настю, – так мне и надо.

Под тентом уже готовили ужин. Настя молча выжимала мокрые вещи, развешивая их на широком, растущем на границе тента кусте шиповника.

– Сюда давай. – Она взяла рясу из рук Григория. – Ух. Тяжелая, как слон.

– Ткани много, – охотно поддержал разговор Григорий, – могу помочь. Ну, – спохватился он, – если хочешь.

Гид стоял над горелкой и мял руками плоскую банку тушенки.

– Рассказываю, как открыть без помощи рук. Сначала давите с одной стороны, – он сцепил руки замком, зажав между ладонями алюминиевый блин и сильно надавил, – затем точно так же с другой. Получаются уголки. – Он продемонстрировал банку, узкие бока которой были сжаты с двух сторон так, что края сгибов встретились и образовали острые конусы.

Повторив процедуру несколько раз, Гид дернулся к кастрюле, и Синушин увидел, что из порванного алюминия капает жир.

Настя присвистнула и немедленно попросила попробовать провернуть то же самое со второй банкой. Григорий хотел что-то сказать, открыл даже рот, но сделав вид, что просто любит подышать, промолчал, завистливо поглядывая на Настины потуги.

– Ты, поп, не обижайся на меня. Просто я очень уж не люблю, кхxых, – она постаралась сжать замок рук так сильно, что в попытке даже качнулась вперед, – не люблю таких, как ты. Из-за таких, кхxых, да Господи, что ж это за банка-то, из-за таких, как ты, меня от матери забрали.

Она подняла голову и сдула налипшие волосы, исподлобья глядя на Григория.

– Вот такой же был. Любитель поболтать. Мать ему в воскресенье рассказывала, а он потом об этом всю неделю – с настоятелем. Типа, прикинь, какие люди бывают. Прикинь, ребенку на день рождения банку соленых огурцов подарила. Прикинь, в божий храм идет, а сама вся в синяках. Прикинь, прикинь, прикинь. А настоятель, не поверишь, кхxых, – Настя с силой надавила на алюминий, – тоже был не дурак посплетничать и рассказывал

все своей жене, воспитательнице моего детского сада. Хыть, – она надавила еще раз, из банки полил жир, – через полгода пришли. В пять лет из дома забрали. Спросишь у меня, что мать? А мать в ванной спала. Даже не проснулась, прикинь.

Она остановилась, разглядывая жирную банку так, будто в первый раз ее видит.

– Мне очень жаль, – выдавил из себя Григорий.
– Не жалей. Просто болтай поменьше – и все нормально будет.

Картинно растянув губы в улыбке, Настя похлопала Григория жирной рукой по плечу и, зацепив с пня мыло, пошла к ручью, отмываться.

Синушин сказал «м-да», Алексей озабоченно крякнул. Григорий нахмурился и переступил с ноги на ногу.

– У нас в деревне есть кусок бетонного моста, – начал он неуверенно, – стоит недалеко от асфальтовой дороги, которая идет вдоль леса со стороны деревни. Вы наверняка по ней шли.
– Была такая, – кивнул Алексей, пропуская мимо себя вернувшуюся Настю.
– Ну так вот. Мост этот всегда там был. Как будто всю деревню вокруг этого моста поставили, и дорогу вдоль него проложили. А мост-то бесполезный, никуда не ведет. И ниоткуда вроде бы тоже.

Он растер замерзшие руки, заглядывая в кастрюлю с гречкой.

– Ну, короче, – поморщилась Настя, теребя косичку.
– Ну, короче, – повторил за ней Григорий, – этот мост стоит аккурат за нашим храмом. И где-то пару месяцев назад на нем начали появляться люди.
– В смысле, «появляться люди»? – перебила Настя. – Забирались они туда, что ли?
– Да нет, в том-то и дело, – отмахнулся Григорий, – они оттуда даже как бы наоборот, падали.
– Начались страшилки, – фыркнула Настя, плюхая по алюминиевым мискам дымящиеся шары гречневой каши.

Григорий обиженно засопел и начал сосредоточенно перебирать пальцами деревянные четки.

– Да ладно, Гриша, рассказывай, все равно же дел никаких нет, – миролюбиво тронул его за локоть Гид.
– А я вот не буду рассказывать! – неожиданно тонким голосом воскликнул Григорий, взмахнув в воздухе четками. – И я тебе не Гриша! Я отец Григорий!

Настя подвинула к нему тарелку с кашей.

– Рассказывай давай. Постная. Я тушенку оттуда выловила.

Григорий посмотрел гречку, утонувшую в расплавленном говяжьем жиру, мелко махнул рукой и продолжил.

– Потом снова-здорово – куры начали пропадать. Ой, – Григорий открыл рот и замахал руками, – горячая. Ну куры-то ладно, кто их считать будет. Только у нас работы больше – все друг на друга думают, по воскресеньям жалуются. Да хватит ты на меня зыркать! – воскликнул Григорий, махнув ложкой на Настю. – Дай дорассказать уже!
– Рассказывай, кто мешает. – Она округлила глаза, снимая со щеки сорвавшуюся с Гришиной ложки мокрую крупу.
– Давай дальше, Гриша, – поддержал Синушин.
– А потом, – он понизил голос, – потом на мосту появилась девушка. Девушка, нам не знакомая. Очень, кстати, на тебя, Настасья, похожая. И тоже ничего не помнит. Ну, кино. Думали, что с ней делать, думали, девать некуда, идти некуда, председатель неожиданно выручил – он ее в домик поселил на краю деревни. Пустовал там один, свободный. И ситуация складывается такая, знаете, шито-крыто.

Раскрасневшийся священник подобрался, отодвинул пустую тарелку и продолжил глухим голосом:

– У нас в деревне люди вообще-то очень странные живут. Есть один егерь – как ни пройду мимо его дома, он ржавую бочку на крышу закатывает. Оторвал поперечники от забора, к крыше прислонил – и катит. Бочка едет вниз, конечно, или просто падает – а он ее поднимает и опять катит, и так без конца. И вы скажете, что псих и что ерунда какая-то. Но на той неделе…

Он выдержал паузу.

– На мосту появились куры. Как вам такой расклад, – шепотом закончил он, ударив скуфьей о стол.
– Может, это были другие куры! – воскликнул Синушин.
– Может. А может, и нет! – вскрикнул Григорий, – А вот вам еще: из нашей деревни – не уехать! Никто никогда не уезжал!
– Ну это уж глупость какая-то, – снова не выдержал Синушин, – мы приехали на автобусе. Пазик, номер – вэ три два десять о ка сто девяносто. И уехать, значит, можно.
– Уверены? – поднял брови Григорий. – Можно ему доверять, считаете?

Синушин только что заметил, что Гида уже довольно давно с ними нет. Помотав головой, он увидел красную кепку, мелькающую где-то за дальним холмом.

– Петр, – отвлекла его Настя, – погоди-ка. Я ведь хотела тогда уехать, когда вы за водой ушли. А не уехала я, потому что…

Нахмурившись, она уставилась под ноги, жестом останавливая начавшего что-то говорить Синушина. Взгляд Насти становился все стекляннее, наконец она выдавила:

– Меня водитель не пустил.

И крупно дрогнула всем телом.

У Марины была такая привычка – резко вздрагивать в окончание раздумий. Синушин никогда не понимал, на что это похоже больше всего – на крупную, буквально в полтора удара, дрожь, на движение качнувшегося вперед маятника или же на внезапное пробуждение ото сна. В худшем из всех случаев, которые Синушин воображал во время их прогулок по вечерним московским улицам, Марина начинала размышлять над его словами, затем пробуждалась, ее резко вело вперед, и она поскальзывалась, увлекая за собой Синушина. Стоит ли говорить, что такого и близко не случалось никогда, тем не менее он молчал от греха подальше и только крепко держал Маринину руку своей, пристально глядя под ноги.

– Петя, а расскажите еще раз об особенностях радиосвязи в тайге, так интересно…

– Понимаю, Мариночка, – хмыкал Синушин со знанием дела, – шутка ли! До некоторых радиоточек более двухсот километров по прямой, а связь работает бесперебойно. Как же так, конечно, спросите вы. А я вам отвечу…

Лед постепенно сошел, и в один летний день Синушин так увлекся, что позвал Марину в свою заводскую сторожку. Задумавшись на короткое мгновение, она качнулась навстречу и спустя девять месяцев родила девочку.

Синушин, узнавший о скором прибытии младенца в мир, первым делом подумал предложить Марине жениться, потом отказался от этой идеи, затем опять решил встать на колено, потом мысленно с коленей встал, захотел спросить совета у родителей (потом, впрочем, понял, что пожать по этому поводу плечами он может и самостоятельно), и так он думал и думал, обреченно пыхтя в своей сторожке над книгой об укрытиях от непогоды, пока не настал последний день, в который Марина должна была разделиться на двух человек и в таком новом и сложном статусе выйти из ворот роддома.

– Не переживайте, Петя, по этому поводу. В свидетельстве будет стоять прочерк.

Синушин, сгорбившись, сидел рядом с Мариной на скамейке во дворе ее общежития и, пряча глаза, долго тайком смотрел на «этот повод», сопящий из-под тонкого летнего одеяла полупрозрачным крошечным носиком. Наконец он решился и пробормотал тихой скороговоркой:

– Мариночка, я пришел сказать, что я не отказываюсь. И еще…

Он судорожно вдохнул и продолжил громче.

– И еще – переезжайте жить ко мне. И вообще, давайте жениться.

Марина замерла, но не дрогнула.

– А дочь?

На Синушина было жалко смотреть.

– Но ведь ребенок мой, это и без бумаг понятно. Ребенку разве нужны документы? Поймите, Мариночка, ну если уж крайний случай, то есть если с вами что случится, я ведь все равно с маленьким ребенком не справлюсь!

Помолчали. Марина сжала дрожащие губы и подняла глаза на окна второго этажа, за окнами которого, скрываясь за шторой, стояла ее соседка и наблюдала за происходящим между ними. Марина через силу улыбнулась Синушину и спросила, легонько покачивая коляску и убаюкивая младенца:

– Аа-аа-аа-а… Но мы вам нужны? Аа-аа-а… Вы уверены?

Синушин отвлекся, наблюдая за оводом, летящим по спирали, и кивнул, принимая улыбку Марины на свой счет. Теперь он вообще не понимал, чего он судил да рядил целые девять месяцев – нужно было сразу жениться. Что может быть проще?

– Уже назвали? – спросил он шепотом у напряженной Марины, пугливо заглядывая в коляску, где закряхтели и завозились.

– Да.

– Как?

– Настей.

Забегав по поляне, пораженная внезапным озарением, Настя затараторила:

– Точно. И ведь точно! Водитель не пустил. Сказал «на станцию». Маленький такой, сухой. Таджик. Взрослый уже, типа тебя. – Она ткнула пальцем Синушину в грудь. – А потом вы пришли, а автобуса нет. Я слышала, как он уезжал? Слышала или нет? Я слышала?!

Под тент вернулся Гид. Сильно разделяя слова, он выдавил, едва справляясь с дрожащим от злости голосом:

– Хватит уже кричать. Вы людям спать мешаете.

Синушин растерялся и посмотрел на Настю.

– Петя, – позвал его Гид.

Синушин не успел повернуться, как Гид достал из кармана дамский револьвер и выстрелил в упор.

Дернув головой, Синушин упал на траву. Спустя секунду прогремел второй выстрел, и прямо перед Синушиным упала Настя. Синушин лежал и моргал, и смотрел на нее, и Настя моргала, глядя на него, и неестественно красная кровь стекала с ее виска на правый глаз и с него, через ожог, на левый. Настя моргала и моргала затянутыми акварельно-красной пленкой глазами, и Синушин тоже моргал и моргал, разводя собственную кровавую краску текущими слезами, жалея всем сердцем вдруг не себя, а эту постороннюю ему девочку.

– Все, – сказал Гид.

Ладонь ударила по барабану, и сухой, гулкий звук без сопротивления прошел по сосновому лесу. Потом еще раз и еще.

Синушин поднял голову и осмотрелся. Стало ощутимо холоднее, летние краски подернулись сепией; он лежал один на плешивой, покрытой вялой безжизненной травой земле, чувствуя спиной чью-то тяжелую поступь. Приподнимаясь на локтях, он посмотрел на движущиеся кустарники.

По силе вибрации тяжелых шагов было понятно, что идущее нечто находится совсем рядом и что скрыться незамеченным уже не удастся, но источника видно не было.

Звук тем временем оформился. Он не стал более четким или более громким, нет, но появилось подобие мелодии. Спиной Синушин чувствовал, что шаги приспосабливаются под ритмичный звук множества ударов. Когда он увидел между двумя самыми облезлыми кустами мелькнувший карий глаз размером с ладонь, он с облегчением выдохнул, потому что понял, что так испугавшая его сила грузных шагов обусловлена не близостью, а лишь внушительным весом идущего. Аккуратно перекатившись на корточки, Синушин приподнялся и заглянул за кустарники.

По лесной дороге неспешно шел белый слон. Он взбирался на пригорки и ощупывал хоботом шершавые сосны, едва касаясь, скользил по мокрому мху и несильно стукал часто встречающиеся у дороги пни.

Синушин неаккуратно наступил на сухую палку, и она оглушительно хрустнула. Звук барабанов оборвался. Слон остановился. Синушин быстро пригнулся и, нашарив под ногой крупный камень, замер. Булыжник был мокрый и скользкий, весь в мхе, сепийно-коричневом и безжизненном, как и все в этом лесу, и не был лучшим метательным оружием на свете, но другого не подвернулось.

Обрыв, к которому Синушин теперь прислонился спиной, продолжался широкой пологой опушкой и протянувшимся вдоль нее спуском к воде; слон был позади, на лесной дороге. Спрыгнуть бы и переплыть, а там по другому берегу дать чесу! Но плавать Синушин не умел. Бежать было некуда.

– Эй, образина, – дрожащим голосом выкрикнул он, силясь встать, – гуляй дальше!

«Лесные животные боятся громких звуков. Если вы хотите избежать встречи с ними – бейте по деревьям, пойте, и, скорее всего, животное обойдет вас стороной» – вспомнил Синушин главу из книги и, совладав наконец с трясущимися ногами, встал.

– Лала-ла-лай-ла-ла-лай, все будет хорошо, – завопил он популярную песню с радио, резко поднимаясь. Он зажмурил глаза и замахнулся камнем в сторону слона.

Кинул.

Камень упал в траву.

Слона не было.

Была лесная дорога, на месте лежали все булыжники, остались даже широкие круглые следы – но слона не было.

Синушин шумно выдохнул и обвалился на землю, прижав руку к груди.

– Лалай-лалай, – жалко выкрикнул он в воздух на всякий случай и подполз к сосне, приваливаясь к ее стволу и утирая кепкой со лба липкий пот.

– Здравствуйте, – услышал он за спиной, – отдыхаете?

Синушин повернулся и увидел сидящего рядом с ним мужчину. Он готов был поклясться, что только что рядом не было ни души – но ситуация не располагала к пристальному вниманию, и к тому же Синушин не хотел обижать недоверием этого широко улыбающегося смуглого человека с лучистыми раскосыми глазами.

– Да. А это… Тут вот только что, – Синушин ткнул пальцем на дорогу, – вы видели?

Таджик улыбался и не отвечал. Синушину показалось, что его не понимают.

– Животное вы видели? Тут было животное. Вот только что. Вы видели?

Для убедительности Синушин растопырил пальцы и показал как бы слоновьи уши.

Мужчина нарочито внимательно посмотрел в лес и спустя мгновение так же нарочито задумчиво ответил:

– Животный? Да вроде нет животный. Где ты видел, уважаемый? Прямо тут?

И показал пальцем на землю между ними.

Синушин хотел было все рассказать, объяснить, и собрался уже, но только махнул рукой, отвора-

чиваясь и нащупывая спиной приятную надежность сосны.

– Тут у нас животный нет, уважаемый, – сказал таджик и ударил в барабан.

Синушин, расчесывающий коросту на локте, похолодел и замер. Барабан?

– А хочешь слон покататься? – Голова соседа вплыла в зону видимости Синушина откуда-то сбоку и заглянула ему в глаза. – Белый слон, красивый. Кататься, а? Интересна-а-а…

– А-а-а-а-а! – нечеловеческим голосом заорал Синушин, вскакивая.

Он дернул головой назад – увидел все ту же заводь, дернул вправо, влево, собирался было решить, куда, но, плюнув, побежал просто вперед.

– Ла-лай, ла-лай, все будет хорошо, уважаемый! Ла-лай-ла-лай, ла-лай, – слышал за спиной бегущий по размоченной глиняной дороге Синушин.

Звуки барабана нарастали, и он бежал что есть сил. Увязнув ногой в коме густой глины, Синушин потерял равновесие и упал, ударившись виском о корень дерева.

– Петр! Петр, ау! Просыпайтесь!

Язык прилип к горлу и не выпускал звук.

– Да все, не сплю, – пробормотал Синушин, отлепляя от себя острые Настины пальцы.

– Ну вы и разорались! – укоризненно воскликнула она, выбираясь в тамбур палатки, из которого на него смотрело обеспокоенное лицо Гида, – всех медведей в лесу распугали.

Во рту пересохло, горло болело. Воздуха в палатке будто не было вовсе, а тот, что попадал через открытую дверь тамбура, моментально выжигался уже высоким полуденным солнцем, нечеткие очертания которого Синушин видел сквозь ткань.

– Вы вчера достаточно ели, надеюсь? – спросил Гид, протягивая руку, чтобы Синушин встал. – У нас тут беда.

Оказалось, что ночью мыши прогрызли пакеты с сублиматами и сахаром. Вся поляна была усеяна разноцветной провизией и лохмотьями полиэтилена. Гид собирал разбросанные всюду пакетики чая и сортировал целые, Настя сгребала с земли гречку и выдувала из нее крошки земли.

– Придется срезать, возвращаемся как можно скорее. Еда пострадала почти вся, питания в обрез. Возьми там навигатор, просмотри маршрут. – Гид махнул рукой в сторону кучи собранных вещей.

Сонный Синушин нажал на красную кнопку и подождал, пока прогрузится карта. Человечек стоял на синей полоске в сером поле. Уменьшив масштаб, Синушин увидел точки: «Крайняя трясина», «Дождливый ручей», «Торчащие корни» были черными, «Широкое поле», «Заводь» мигали красным.

– А что означает, когда мигает красным? – спросил Синушин, тряся навигатор. Ему казалось, что это как-то ускорит определение спутников и человечек переместится на их точку, Крайнюю трясину.

– Там нас не было. А, черт побери. – Гид хлопнул себя по потной шее и прибил всосавшегося слепня. – Можешь воды в реке набрать, я пока твои вещи в кучу скину.

Синушин помотал сонной головой и перебрал события вчерашнего дня. Встретились, шли по жаре, дошли до болота.

«Откуда река? Наверное, в темноте не заметил».

Кинув безнадежно неисправный навигатор на распластавшийся по мху спальник, Синушин взял котелок и пошел к реке. Котелок висел на широкой ручке и болтался в воздухе, противно позвякивая.

Марина всегда просила его выносить мусор в самое неподходящее время. Странно, когда для выноса мусора есть время какое-то «подходящее», но у Синушина оно было.

Стоило новорожденной Настеньке уснуть, он мчался на кухню, доставал из-под раковины почти всегда пустое мусорное ведро и шел во двор до вечера.

– И вот, когда надежда уже пропала, он вколол ледоруб и повис на одной руке, – рассказывал он Лехе, соседу, афганскому ветерану, который всегда томился на улице то тут, то там. Бывало и такое, что слушателя приходилось доставать из кустов малины, пышно разросшейся у гаражей. – Я сейчас дочитал энциклопедию выживальщика и приступаю к первому тому книги о кострах. К лету буду подготовлен абсолютно.

Леха медленно подбирал слюнявые губы в улыбке и показывал класс. И если слова Синушина с каждым выносом мусора были различными, то реакция Лехи была такой всегда. Впрочем, иногда он в дополнение старательно артикулировал:

– Молодец, Петруха. Ты вот, вообще, молодец.

Выброшенный из стен завода в мир, Синушин не чувствовал необходимости работать – работала Марина, Марина же смотрела за подрастающим ребенком, в обязанности Синушина входило забирать девочку из детского садика и платить коммунальные платежи.

Целыми днями он мотался по квартире мимо включенного телевизора, отжимался, приседал или просто лежал на диване, ворча:

Я сейчас дочитал энциклопедию выживальщика и приступаю к первому тому книги о кострах. К лету буду подготовлен абсолютно.

– Одиннадцать калек выпусти, и то лучше будет.

Или:

– Под фанеру же шпарит, ни стыда, ни совести.

Или:

– Кто так разводит костер, тетеря, ты плотней берись!

А вечерами прикрывался от требующей внимания дочери корешками книг: «я устал» и «не дергай меня».

Настя росла, Марина старела, Синушин продолжал одолевать энциклопедию выживальщика минутными подходами раз в три месяца и чувствовал себя несчастным.

В один из вечеров Настя подошла к папе и, глядя на него из-под своей первой в жизни остриженной челки, попросила книжку. Не дожидаясь разрешения, она протянула руку к бесценному экземпляру «Снаряжений и улучшений». Рядом с книгой стояла кружка, которую Настя задела и опрокинула.

Синушин открыл рот, глядя на язычок чая, вырывающийся из кружки на рыхлые желтые страницы книги. Не успев опомниться, он поднял руку и наотмашь ударил девочку по щеке. Махнув в воздухе черным хвостиком, Настя упала.

На крик прибежала Марина, быстро осмотрелась, все поняла и, схватив рыдающую дочь, сорвала с крючка вешалки пальто и большую медицинскую сумку.

– Кстати, ты не болен, – бросила она через плечо и ушла на внеочередную, растянувшуюся для Синушина навечно, рабочую смену.

Он видел, что Настя устала. Выпроставшиеся из карманов косички болтались в воздухе, по шраму тек пот, в ботинках хлюпала вода, набежавшая с почвы затопленного поля, но Настя делала шаг за шагом, не пытаясь осознать своего положения. Черная голова раскалилась на зависшем в зените солнце, будто желающем выпалить из мира побольше влаги, но Насте не было жарко.

Тогда был конец мая.

– Если у тебя дома там чего – ты мне сразу говори, поняла? Прибегай и говори, не бойся, – шептала ей сладким яблочным воздухом старая нянечка детского сада, нарядно одетая в честь выпускного в красное платье и красную же, с широкими полями, шляпку.

Настя кивала и щурилась на красношляпную нянечку.

– Настюшечка, солнышко. – Ее погладили по голове, но это была не красношляпная нянечка, а другая, вторая, одетая почему-то точно так же, но в зеленое. – Ты главное не молчи, сразу прибегай и все нам говори, хорошо? Бедный ребенок.

Настя перевела взгляд на зеленошляпную.

«Дурацкая какая-то затея, одинаковые, как грибы», – подумала она, внимательно глядя на подходящую к ним третью нянечку – опять то же самое, только в оранжевом.

– Я вам сразу все скажу, – торопливо опередила ее Настя и, развернувшись на каблуках растоптанных туфелек, убежала к колонке, из которой играло:

Вместе весело шагать по просторам,
По просторам, по просторам.

Можно было попрыгать с Юлькой, но она больно щипалась, можно с Катей – но Кати не было. Был мерзкий Вадик, который придумал, что его ударило током, и теперь хныкал одной из воспитательниц, показывая пальцем на разноцветных нянечек.

– Вадь, не плачь, пойдем танцевать, – протянула руку подошедшая к нему Настя, заправляя за уши непослушные черные волосы, выбившиеся из криво сплетенных косичек.

– Никуда я не пойду-у-у, меня вон та, у-у-у, – затрубил он громче прежнего, тыкая в одну из нянечек, часом ранее отобравшую у него украденные конфеты, – током меня ударила-а-а.

– Ну ударила и ударила, живой же уже, пойдем! – нетерпеливо потрясла рукой Настя. – Ой.

В воротах сада появилась Марина. В белом медицинском плаще на одной пуговице, она шла нетвердым шагом прямо к ним.

– О, мамка твоя? – мигом успокоился Вадик, злорадно ухмыляясь.

Звонкий детский хор бойко пел о полоске зари, расположенной по небесам, о рощице, получившей-

ся из двух березок, а Настя, закрыв глаза руками, стояла под вопящей колонкой и быстро шептала что-то себе под нос. Спустя минуту музыка оборвалась, и колонки взвизгнули:

– Сегодня у моей доченьки… день рождения. – Настя отняла от лица руки и увидела, что Марина стоит на сцене, опираясь всем весом на высокую стойку микрофона. – А вы все… Св-волочи, – она свела брови, – думаете, я не вижу, а? А-а?

Разреженная толпа перед сценой стояла и смотрела на Марину, и никто не пытался ей ответить, и никто не пытался ее остановить. Из дверей сада выскочил директор.

– Как вы к дочери моей, а? Ну, праздник у вас. Я поздравляю вас, конечно. И тебя поздравляю, и… и тебя, гад, поздравля…

Марина попыталась отпихнуть вбежавшего на сцену директора и, не удержавшись, упала. Сделав вид, что так и задумывалось, Марина слезла со сцены и ушла обратно к воротам сада, где ее дожидались гогочущие подруги.

Директор тогда подошел к Насте и, глядя в сторону сказал, что мама просто устает, Насть, он прищурился так сильно, что мелкий треугольник коричневой бородавки под его глазом растянулся в овал, ты если что, говорю на всякий случай, ты к воспитательницам подходи.

– Извините, ккхм, – спустя минуту обратилась Настя к красношляпой, собирающей раскладной стол, – а возьмите мою маму на работу? Она хороший врач, умеет лечить, зашивать, и делать уколы, и…

Еще не договорив, Настя поняла, что нет. Что-то ей объяснили, что пока никак, и что потерпи, и образуется, и так далее.

Нам счастливую тропинку выбрать надобно,
Раз дождинка, два дождинка – будет радуга.
Раз дощечка, два дощечка – будет лесенка,
Раз словечко, два словечко…

– Будут взрос-лы-е.

Настя обреченно посмотрела под ноги и вздохнула.

– Я тоже устал, – подбодрил ее Синушин, протягивая бутылку с водой.

Они только что свернули с затопленного поля в тенистую прохладу леса и остановились подышать.

– Я хотела бы поесть и поспать. Уже такой бред снится…

– Бредовей, чем мне, не может сниться ничего, – усмехнулся Синушин, намекая на утреннее происшествие.

– Не знаю, – щедро отхлебнула Настя, – можем поспорить. А сколько тебе лет? – неожиданно спросила она.

– Сорок шесть, – подсчитал в уме Синушин, задумчиво рассматривая валяющийся под ногами размоченный лесной влагой календарик за 2019 год.

– Моему папе тоже где-то так, и он бы тут, как мы с тобой, не хныкал. Он у меня был путешественник, – гордо добавила она.

– Что, профессиональный? – уважительно поджал губы Синушин.

– Да. Он много всякого разного знал и умел. Знаешь, как он мою маму завоевал? – тонко хихикнула она в бутылку с водой. – Она в травме работала, а он туда как-то раз зимой попал. Потом дождался ее после смены и начал рассказывать, как оказывать первую помощь в полевых условиях. Медицинскому работнику!

– Бывает же такое, – помотал головой Синушин, отмахиваясь от возникшего в голове зудящего ощущения. – Чего же он тебя к себе не забрал? Ну, потом?

Улыбка на Настином лице замерла, и она пожевала губами:

– Да забирал вообще-то. Погоди, – нахмурилась она, – когда «потом»?

– Ну… После того, как тебя от матери забрали.

Настя прищурилась и остановила Синушина за локоть:

– Я тебе этого не рассказывала.

Девочка, ты же девочка, Григорий, кипяток, тент, револьвер.

Не успев додумать мысль, он взял Настю за подбородок и повернул ее виском к себе. На нежной светлой коже, прикрытый локоном черных волос, зиял круглый старый шрам. Настя выпучила глаза и бесцеремонно взяв Синушина за щеку, повернула его голову к себе точно так же, боком. По ее взгляду было понятно многое, но когда Синушин поднял руку и наткнулся пальцем на собственный неровный висок, стало понятно окончательно все.

– Это очень странно… – пробормотал Синушин.

– Говори, – выдохнул порядочно постаревший бывший бригадир завода, развалившись на пыльном польском диване, – пришел же зачем-то.

– У меня родился ребенок, помнишь? – неуверенно начал Синушин.

– Ну, – нетерпеливо сказал бывший бригадир, – давно уже. Я тебе кроватку подарил.

– Мы с женой разошлись. Жена… В общем, вот.

Синушин достал из внутреннего кармана пиджака сложенную вчетверо газету и молча положил ее на стол.

Бригадир медлил и газеты не брал, пытаясь сначала поймать взгляд Синушина, но тот упорно прятал глаза, так что бригадир плюнул и стянул со скатерти пухлый квадрат газеты, встряхивая его в воздухе.

– Где читать? Это? Ручкой обведено?

– Что? Да! – поспешно кивнул Синушин, показывая пальцем в нужное место.

«В громком деле поликлиники номер 16 появились новые подробности.

В рамках расследования уголовного дела экспертами следственного комитета был осмотрен процедурный кабинет ночного травматологического отделения, находящегося на втором этаже печально известной районной поликлиники. В ходе осмотра были изъяты образцы медпрепаратов и флаконы с физраствором. Образцы направлены в лабораторию для проведения химической экспертизы.

Эксперты СК предполагают, что причиной гибели трех пожилых женщин стал банальный контрафакт: физраствор, использовавшийся для инъекций в травмпункте при поликлинике, судя по всему, производился кустарно, силами фармацевтов ближайшей аптеки.

Назначен ряд судебно-медицинских экспертиз».

– И? – вздернул брови бригадир. – Где про жену-то?

Красный как рак, Синушин выдавил:

– Она тут, – он кивнул на газету, – замешана была. Женщина, которая придумала делать физраствор в аптеке, – это свидетельница со свадьбы, такая худая, с бельмом, помнишь? Вот она. Она это на себя взяла, но Марину все равно уволили. Ведь в газетах писали… Словом, осталась без работы, с ребенком. За год она… Сам не знаю, не видел, так говорят: на себя не похожа стала. Теперь у нее дочь забирают.

– И чем я могу помочь? – перебил бригадир.

– Ты ведь депутат. Вы… Я вам рассказывал, – зачастил Синушин, – я не вписан как отец, и мне, конечно, отдавать ребенка не хотят.

– А зачем он тебе, Петя? Ребенок-то, – депутат налил компот. – Скучно стало? Про то, что с женой происходит, ты ведь знал, сам говоришь. Так что же ты раньше ребенка не пожалел?

Синушин упер локти в колени и разглядывал дырку в носке, подбирая аргументы. Денег он с собой не взял, да и не было денег, да этот и не взял бы деньгами.

– Мой тебе совет: как ты сам с собой всю жизнь прожил у себя в голове, так и живи. За окном, знаешь, мир изменился – в нем хоть как-то грести нужно, а ты болтаешься, как ветошь в ванной. Ты ребенка на что кормить собирался? Ай, – нервно махнул пухлой рукой депутат, – кого я вообще спрашиваю. Как будто ты мог про такие вещи думать. Время другое пришло, Петя, ответственность нужна, а у тебя ее даже на себя вон, – депутат кивнул на дырявый синушинский носок, – не хватает.

С этими словами он встал с дивана, давая понять, что разговор окончен.

– Ее отправят в детский дом, я хочу забрать ее домой, – глухо сказал Синушин, оставаясь сидеть в кресле, – я не уйду, пока не поможешь, хоть убей меня прямо здесь.

Повисла тишина, перебиваемая звуком хода настенных часов.

– Убей… А сама она что думает? – Стол скрипнул от веса облокотившегося на ладони депутата.

– Кто, Настя? – Синушин так удивился, что посмотрел прямо на него. – Не против, конечно.

– Ты с ней говорил?

– Нет.

Депутат шумно выдохнул, отошел от стола и подтянул брюки за ремень:

– Давай так. Могу устроить тебе неделю с дочерью. Посмотришь, она посмотрит, так, не надо мне тут, не надо! Поживете вместе, поглядим. Гладко пройдет – будем думать.

Пригнувшийся Синушин, идущий за депутатом как на привязи до самого коридора, снял с крючка плащ.

– Я не знаю, что и сказать…

– И не надо ничего говорить, по тапкам надо вдарить. – Бледная как полотно Настя крепко держалась за Синушина и неотрывно смотрела на идущего впереди Гида.

Оказалось, что они видели одно и то же – с той только разницей, что после выстрела Настя проснулась. Но и Григорий, и револьвер – остальное совпадало.

– Только мы никуда отсюда не вдарим, мы в гребаном лесу, – тяжело дыша, сказала Настя, – придется идти с ним до стоянки. Ладно. Он же не ведет себя странно сейчас, да? Не ведет ведь?

Синушин держал Настю за трясущуюся руку и думал о том, что у его дочери, наверное, такие же маленькие ручки, и такие же тонкие пальцы с короткими ногтями, и черные волосы, скорее всего, как у нее, – потому что Настя удивительным образом походила на Синушина; и еще он думал о том,

что больше, быть может, никогда не увидит дочь, и какое-то странное, душно пахнущее пылью чувство давило ему на кадык.

Синушин спросил, откуда на ее лице такой ожог, и теперь шел, молча переходя с одной кочки болота на другую, и думал, что лучше бы не спрашивал.

Перед распределением в детский дом Настю на неделю пустили к отцу-путешественнику. Судя по тому, что слышал Синушин – ее отец был никакой не великий альпинист, и не профессиональный турист, но Настя, чуть не захлебываясь, рассказывала о том, как они с папой сидели за книжкой и рисовали разных зверей в типографски-черных, занимающих добрых полстраницы, туристических лагерях. Я же тебе сказала, он не был никогда в походах, потому что думал, что болел, ему так мама соврала. В один день он сказал, что пойдет все-таки, на три дня, мы вместе собирались, то есть мы вместе его собирали. Мне он написал инструкции с картинками – как включать газ, как закрывать дверь, куда убирать ключи. Даже дал скамеечку – мне было пять лет, я до плиты не доставала. А потом он ушел, а меня забрали. Ожог? А, да я тогда же обожглась, прямо сразу же – полезла варить кашу, упала со скамеечки и опрокинула на себя кастрюлю. Тогда побежала к соседям, была в скорой, помню, там пахло остро, железные тазики стояли и всякие трубки, жгуты, как хоботы висели, а потом меня из больницы какой-то дядька в костюме забрал и отвез в милицию. Там они спросили про папу, я им все рассказала, ну и все, забрали. В папином дворе в тот же день, к вечеру, какой-то мужик в малине за гаражами окочурился – вроде как допился. Помню, милиционеры очень ругались, мол, работы много – и со мной надо разобраться, и в наш двор опять ехать. Вот и вся история. Я вернусь – найду его, расскажу про свой поход, а он мне про тот, свой. Я сюда ведь почти сразу из детдома пошла – экзамены в училище сдала, собралась и поехала. Теперь до восемнадцати лет буду жить в общежитии при училище и папу искать. Ну, наверное, в милицию схожу, фамилии-то я не знаю. Звали Петром, как тебя.

– Бывает же такое, – покачал головой Синушин.

Бывает же…

Гид махнул рукой – это означало, что пора останавливаться.

Настя вцепилась в руку Синушина и быстро прошептала:

– Мы во сне видели попа, так? Тут попа нет. Значит, нам нужно его еще раз повстречать, правильно говорю?

Синушин поколебался:

– И как мы заснем посреди дня?

– Зачем посреди дня? – удивилась Настя. – Вечера дождемся. Он ведь сейчас нормальный. Ночью уснем, а во сне все у того попа выспросим. Ты послушай, – она дернула вздыхающего Синушина за руку, – надо понять, где мы.

– Вы идете? – крикнул им Гид, издали размахивая рукой.

Синушин подумал и кивнул.

Чай отдавал землей, в терпкой темноте его заварки болталась пыль и залипший на пакетик мусор из кармана. Хотя спасали кроны деревьев, зонтами закрывающие лесную землю от лучей палящего солнца, было душно и влажно, в воздухе летал гнус, и Гид, шумно дыша, обливался потом.

– Это неправильно, что так вышло, – сказал он, махая рукой на пакет, в котором лежала оставшаяся провизия, – я знал, что сумки с едой нужно привешивать. Знал, но забыл. Я должен вам признаться.

Синушин с Настей незаметно переглянулись.

– В чем? – нарочито проходящим тоном спросила она, вытирая мокрый лоб кончиком косички.

– Я не профессиональный Гид. И опыта у меня немного. Совсем опыта нет.

Решительно отставив кружку, он продолжил:

– Я как с войны вернулся, сильно мучился. А мучился я потому, что не умер, вот так-то. Я все думал, как было бы, если бы меня убили. Если бы убили меня. Героически было бы. Один и трое душманов. Везут убивать, а я не боюсь. Хотя я боялся. Я выжил вообще-то, потому что предал. Нас поймали и хотели взять одного. У меня был напарник, молодой совсем солдат, темненький, костлявый, откуда-то из Средней Азии. Афганцы спросили, кто Родину больше любит и кто пойдет. Он сказал – я люблю, и пошел, и они его убили. А я остался, вернулся, пить начал. То в малине за гаражами засыпал, то просто где-то на улице.

– И что произошло потом? – нетерпеливо спросил Синушин. Нетерпеливо не от того, что он хотел знать ответ, а от того, что зудящее мошкариное чувство отвлекало его и пугало, и ему казалось, что любая реплика прекратит это движение. Но ничего не прекратилось.

– У меня был сосед-балабол. На уши присядет и чешет, чего в книжках начитался, а читал он про разные походы. Хотя, может, и правда туристом был, кто его знает. Он, балабол-то, потом пропал, а я раз в малине очнулся и понял, что нельзя так дальше жить. Лежал там, на насыпи ря-

дом с воротами, ягоды ел и в небо смотрел. Кроме войны, у меня в жизни что было? Только этот вот дурак-сосед да его речи о походах. Я тогда подумал, что в форме вполне можно куда-то пойти, куда-то, где нужно что-то делать, и подальше от магазинов. Вещмешок подходил в качестве рюкзака, но, правда, в камуфляже идти не хотелось совсем. Хорошо, что священник в доме жил, Григорий, добрая душа. Я к нему пришел, все объяснил, так, мол, и так. Он промолчал тогда, ни слова мне не сказал, а потом на улице, в малине, штаны эти оставил. Я их надел да сразу и пошел. В тот поход сам сходил, а во второй уже вот, с вами собрался.

Повисла тишина. Синушин краем глаза заметил, как Настя едва различимо подвигала головой вправо и влево. Не верит.

– Куда сосед-то пропал? – спросил Синушин. – Такие придурки обычно подобру-поздорову не отвязываются. Если уж нашли себе уши, в них и льют.

– Так помер. – Гид воткнул в землю кривую палку. – Говорили, прямо за домом упал, у остановки. Его водитель автобуса нашел. С этим водителем тоже неудобно получилось. Тут сосед лежит, скорые-милиции не едут, а прямо чуть ли не над ним гам, ор, визг – разный у нас в доме народ живет, самые коренные без суда водителя и обвинили, давай обзываться, схватили и держат впятером, он там, бедолага, чуть вторым не лег от расстройства, плакал, кричал, что воевал за них, такое что-то. Но потом приехала скорая, и разобрались, конечно. Сосед-то мой больной был, оказывается, у него такой приступ не первый раз случился. То ли сердце, то ли легкие, то ли что. Шел, шел и просто упал. Бывает же такое… Девчонка у него маленькая осталась и жена – но она, говорят, отдельно жила. За девчонкой целый депутат приехал, избирательная морда. Речь нам толкал, что в лучшие условия ребенка поместит и не позволит страданий жителям родного микрорайона. Так ее, верно, и забрали. Я ее больше не видал.

Синушин положил голову на свернутую куртку и сосредоточенно уставился в натянутый тент палатки. В трех метрах воздуха от него в такой же палатке лежала Настя и так же ждала сон. Гид сидел в сумерках у костра и привязывал леску к тонкому и длинному прутику ивы, глухой лес которой окружал их поляну частоколом на несколько километров по диаметру. Удочку можно собрать тут, а рыбу ловить потом, там, завтра, когда выйдем к реке, пояснил им Гид.

– А я, если хотите знать, философский факультет окончил до этого всего, интересное было время, – сказал Григорий, прикусывая продолговатую грильяжную конфетку, – диплом даже защитил.

– Про что диплом? – громко спросила Настя, выбираясь из палатки и подмигивая стоящему в тамбуре соседней Синушину.

Гид ушел к реке, тестировать собранную удочку. Они сели рядом на освободившееся бревно, напротив Григория.

– Да есть такая теория философская, что если чего не видишь – его и нет на самом деле. Вот, посмотри-ка на камень, Настасья. – Он кивнул на угловатый кварц, валяющийся неподалеку. – Он твердый или мягкий?

– Твердый, разумеется.

– Как ты можешь знать? Может быть, когда ты его не трогаешь, он мягкий, а стоит коснуться – твердеет.

Настя пожевала губами и неуверенно ответила:

– Если бы он был мягкий – он бы разлился, но он форму держит.

– Так, может, просто оболочка твердая? Ты ведь не можешь узнать до конца, – не унимался Григорий, – наверняка не сможешь узнать, какой он внутри, да? И в каком-то смысле его внутри вообще не существует.

– Потому что я его не вижу? – уточнила Настя.

– Именно.

– А если я его тебе сейчас в глаз запулю, как думаешь, больно будет? – сузила глаза Настя. – Хватит болтать, выкладывай, что тут происходит. Давай, пока мы опять не проснулись. И не думай, что я девочка и не кину. Ты знаешь – кину.

Она покачала в руке увесистый камень и провела по одному из его острых краев большим пальцем. На коже осталась кварцевая пыль и розовая, быстро рассосавшаяся вмятина. Григорий охнул, когда к нему вплотную сел и крепко взял его за руку Синушин.

– Что происходит? Что? Я сам ничего не знаю, – зачастил он, – все ведь рассказал, сам разобраться пытаюсь.

– Гриша, мы сейчас где, по-твоему?

– У реки, – с готовностью четко отвечать кивнул тот.

– А где мы были до этого?

Открыв рот для ответа, Григорий нахмурился и промолчал.

– Ты сказал, – успокаивая дрожащий голос, наклонился к его уху Синушин, – что из деревни не уехать. Что же ты, никогда не уезжал?

Она покачала в руке увесистый камень и провела по одному из его острых краев большим пальцем. На коже осталась кварцевая пыль и розовая, быстро рассосавшаяся вмятина.

– Так мне ведь незачем, – подделываясь тоном, ответил Григорий, – я ведь тут и служу, и живу. В городе мне делать нечего. Я ведь говорил. Я знаю только, что от нас никто не уезжает, что в автобус никто не садится – водитель не пускает. К нам приезжают, да, и очень много, все чаще походники, и ваш вот этот, – он кивнул в сторону Гида, – все группы водит. Он прямо до вас увел троих пожилых женщин. Пять минут прошло, смотрю – опять стоит на остановке, а с ним уже вы. Я и увязался. Ничего я больше не знаю, ничегошеньки, вот те крест! – С этими словами он торопливо поднял руку, сложил пухлые пальцы и перекрестился.
– Что-то ты как-то крестишься не по-людски, – заметила Настя, – а ну-ка, давай еще разочек.
– Издеваешься? – задрожал губой Григорий. – Не веришь?
– Я серьезно, – качнула камнем Настя, – крестись.

Григорий выдохнул, скорчил терпеливое выражение лица, сложил в пучок четыре пухлых пальца и, махнув широким рукавом, перекрестился снизу вверх, слева направо.

– Так, – выдохнула Настя, выкидывая камень и обнимая себя за дрожащие ноги, – Петр, надо просыпаться.
– Извините, пожалуйста, – услышали они из-за сосны, – попа отпустите, а? Увязались, как я не знай кто.

Из леса вышел таджик с барабаном наперевес и быстрым шагом подошел к костру. Взяв не по-мужски пискнувшего Григория за руку, таджик наклонился к нему и сказал:

– Гриша, нельзя так себя повести. Девочка видел маленький мать мучает, да?

Григорий мелко закивал.

– Девочка сплетничал?

Григорий посмотрел в сосущую черноту зрачков таджика своими небесно-голубыми глазами и, сглотнув, снова кивнул головой.

– Девочка от мамка забрали. Девочка лагере плохой человек поймал. Девочка с мост в реку – и утопился. А?

Григорий опустил глаза, исступленно кивая.

– А ты сплетня услышал, все понял и повесился, а? И прежде вешаться еще шапочка свой драгоценный нацепил, и плащ две штук, и золото пузо повесил. Аа-ай, Гриша.

Скукожив смуглое лицо, таджик кивнул Синушину и Насте на попа.

– Мертвый Леха на похорон бы штан не дал – уже давно бы за реку переехал. А так штан дал, считайте, дело хорошее низачем, теперь вот тут болтается, людям спать мешает. Гриша, – он наклонился ниже, совсем низко, к самому лицу Григория, – не стыдно?

Поп всхлипнул и поднялся, не отпуская смуглой руки.

– Эй, Леха, – крикнул таджик в сторону реки, – что ты его деревня не отправляешь, я его там две ночь ищу!
– А у тебя больно дел много? – поднялся на опушку Гид. – Хочет ходить, пусть ходит хоть целую вечность.
– Ты мой дел не трогай, – прошипел таджик в ответ, – я бы, если не ты, мир бы ходил еще сто лет, ширчой пил, лепешка закусывал, вместо чтобы машина с мертвецом катать туда-сюда и слон дурацкий водить.
– Я прошу прощения, – опомнилась Настя, – вы кто вообще такой? Отдайте сюда попа!

Приросший к бревну Синушин, как во сне, наблюдал за желеобразным равнодушным Григорием, которого перетягивали в разные стороны.

– Девочка, – пыхтел таджик, – он с вами все равно не может пойти, ему река не пустит. Он тут болтаться будет и всем нервы мотать со своей шапочка, пока его слон на себе не посадит и живой мир не повезет. А он его не-по-са-дит, ором шавед, бесполезный русский мулла!

Таджик плюнул и, взмахнув рукой, отпустил Григория, и тот упал на Настю. Настя поднялась и решительно закинула косы за плечи, обращаясь к Гиду:

– Рассказывай, как нам обратно уехать.
– Обратно – это куда? – устало спросил он.
– Домой, – сильно акая первую «о», нараспев сказала Настя.

– Девочка отправится домой, когда папа дойдет река, – подошел к ней таджик, – надо просыпаться и идти река. Папа дойдет – девочка летит домой. Девочка тут папе помогает, чтобы папа за река прошел. Там за река уже все понятно будет.
– Что ты несешь! Какая девочка, какой папа! – завизжала Настя, схватившись за голову. – Что вообще происходит! Петр, что происходит? Петр!

Она повернулась к Синушину и с удивлением поняла, что тот спит, удобно устроившись на полене.

Синушин чертыхался на свою неудачную попытку уснуть, и ему было интересно, получилось ли у Насти, беседующей с Гидом у костра. Она выглядела спокойной и на взгляд Синушина не отвечала, рисуя палочкой на пыли пепла сердечки и кружочки. Он сел на бревно и устало моргнул, перекатывая в голове шары мыслей: «Может, голод, и все показалось? Какие-то слоны, таджики. Растет тут, наверное, что-то такое… Ничего, скоро уже выйдем. Забуду все как страшный сон».

Давно пустой, желудок Синушина громко заурчал. Настя и Гид повернулись, прерывая разговор.
– Что естественно – то небезобразно, – устало сказала Настя, глядя на Синушина потухшим взглядом карих глаз.
– Желудок урчит лишь в силу того, что перистальтика кишечника перегоняет газ. Бояться этого не нужно, – сказал Гид своим обычным ровным голосом.

Замутненный голодом, мозг Синушина еле понял скользкие булыжники их слов.

«Вернусь домой, найду дочь».

«Почему они тянут? Стоит ведь только обогнуть реку – и мы выйдем. Зачем мы здесь? Зачем здесь я?»

Хмурясь, он незаметно покосился за реку, на тот берег, где за редким рядом сосен виднелась остановка.

«А может быть, им не стоит верить. С чего я решил, что им можно верить? Потому что они так сказали?»
– А вот у меня к вам такой вопрос, – Синушин прокашлялся, – можно спросить?
– Ты можешь делать все, что угодно, Петр, ты себе хозяин, – отвела грустный взгляд Настя, проводя рукой по рассыпанным на кусте шиповника красным ягодам.
– Правильно поставленный вопрос – половина дела, – ответил Гид.

Синушин потер лоб, формулируя:
– Почему мы сидим здесь и мучаемся от голода, когда в ста метрах за поворотом остановка? Не правильней ли уже дойти?

Лицо Насти дернулось. Она открыла рот, закрыла его и уставилась на Гида. Гид сидел не двигаясь и безотрывно и молча смотрел на Синушина.
– Я хочу сказать, – продолжил он, – ну, может быть, вы какие-то странные, больные или психи?

Реакции не последовало. Тогда Синушин, горячась, вскочил и начал кричать:
– Вы, может, специально не видите остановку, и нет ее как будто? Может, вам так проще? Может, вы хотите вечно ходить сами с собой, по этому дремучему лесу, ничего не замечая?!

Шумно дыша носом, он замер с разведенными руками и впервые внимательно посмотрел на Гида. Тот сидел и по-прежнему смотрел на Синушина. Точнее, так – он смотрел туда, где сидел Синушин, прежде чем вскочить.

Аккуратно приблизившись, Синушин заглянул ему в лицо – оно не двигалось, Гид даже не моргал. Настя сидела, все так же глядя в ухо соседу. Дрожащими руками достав из кармана складной ножичек, Синушин протер его и аккуратно поместил отточенную зеркальную сталь под нос Насте. Ножичек не запотел. Настя не дышала.
– Господи, – не своим голосом сказал Синушин.

Прыгнуть в реку? Плыть всего десять метров. Но без умения и они станут для него последними.

Обойти? Синушин посмотрел в глухую темноту леса, достал из кармана неработающий фонарик, безуспешно попытался его включить, но тот напоследок тускло мигнул и потух окончательно.

Значит, все-таки река? Синушин повернулся к костру спиной и нервно посмотрел на ночную воду.
– Еще нельзя, – сказал чужой низкий голос за его спиной.

Синушин повернулся, но никого не увидел. Гид и Настя сидели как прежде. Глядя на них, но вместе с тем и вокруг, он сделал шаг назад, к реке.
– Сядь на свое место и сиди, – сказал чей-то грудной голос Настиным ртом.

Именно так – Настя не двигалась.

Двигались только губы. Натягивая кожу вокруг рта, они гуляли в воздухе и говорили слова чужим низким голосом.

Синушин, дрожа, сделал шаг назад.
– Стой.
– Нельзя.
– Йотс.
– Язьлен.

Как мухи, слова вылетали из-под движущихся червяков губ Насти и Гида и сливались в единый гул.

В лесу ударил барабан. Поток оборвался. Из-за сосны вышел таджик.

– Здравствуй, уважаемый. Зачем туда-сюда ходишь?

Сзади река, вокруг лес. Не видно ни черта, только таджик и попутчики.

– А как по мне – так пусть проваливает! – сказали уверенно из-за куста смородины.

Глава деревенской управы?! Что за…

– Я вам говорила, Семен Васильич, давно известно, что тут делается.

– Порядок должон быть, а порядка-то и нету!

Красная и синяя шляпки. У папоротника.

– Я уж не знаю, что тут известно, но факт остается фактом.

Синяя шляпка. Стоит рядом с красной, мнет шляпку и топчет по пасте лесной глины сморщенной ножкой в белых текстильных тапочках.

Начав, ни один из них не закончил. У Синушина в голове шумело. Гул голосов заполонил пространство леса. Путались буквы, иногда выдавая случайно-правильный порядок, угадывались человеческие слова, но они не связывались – красный чиновник втаптывал Синушина в грязь интонацией, шляпки суетливо и безостановочно пожимали конвульсивно дергающимися плечами, суетливо выбулькивая связки звуков. Таджик улыбался и мельтешил руками в воздухе, Гид и Настя вскрикивали чайками в общем хоре.

Река.

Синушин посмотрел на вязкую черноту движущейся водяной змеи и вспомнил, как оставил маленькую дочь в полной опасностей квартире, о Марине, которой нужна его помощь, о том, где они сейчас и что с ними. Впервые Синушин думал вообще обо всем и обо всех, не прикрывая мысленного взора удобной пеленой нужного размера, переживая не только о себе. Неумеючи плыть страшно, но – как она только что сказала? – «ты себе хозяин».

Достаточно.

Оставляя в грязи глубокие бугры, Синушин побежал к реке. Он боялся, что голос снова его остановит, что схватят за руку – но на этот раз его никто не тронул. Когда он начал отдаляться от поляны, с лиц стоящих у костра начали слетать золотые песчинки. Кружась, песчинки уходили вихрем в огонь, столпом уходящий в черное небо без звезд, и чем дальше отбегал Синушин, тем больше мерцающих частичек кружилось в воздухе.

Первым пропал чиновник, за ним – шляпки. Гид растворился небыстро, но почти догнал напоследок мигнувшего белоснежной улыбкой таджика. Последней исчезла Настя – ее печальный взгляд провожал Синушина дольше всех, и только она могла видеть, как он занес ногу над водой. Но когда Синушин ступил в реку, бесследно исчезла и Настя.

Синушин чувствовал спиной жар большого костра, но не поворачивался.

«Не смотрю, не вижу, этого нет. Почудилось. Что дарят взрослым дочерям? Нет, она же маленькая, пять лет, я ее с газом оставил. Хоть бы ничего не случилось. Ничего, придумаем что-нибудь с Мариной, обязательно придумаем, все исправим».

Деревья за его спиной складывались плоскими картонками, падали в костер и поднимали высокие снопы искр. Папоротники, куст шиповника – все разлеталось рваными кусками, тлея у основания. Река у берега закипела.

Синушин оттолкнулся ногами и сделал неумелый пасс, пытаясь держаться на поверхности. Захлебываясь, он зачерпнул руками, но ничего не вышло: вынырнув ненадолго, он все равно опустился под воду.

«Я умру здесь. Я захлебнусь. Я не выплыву», – пронеслось в его голове.

«Но я должен», – ответил он себе и перестал думать о том, что не умеет плавать.

Зажмурившись от усилий, Синушин изо всех сил загреб руками. И сработало – стало получаться.

Берег за его спиной, поглощенный бурей огня, ярко вспыхнул и растворился в воздухе: осталось летать лишь несколько светящихся песчинок, которые, впрочем, тоже быстро погасли.

Необъятный океан, в котором болтался Синушин, старательно держащий голову над водой, весь, как плоская воронка, сводился к одному берегу со стоящим на остановке ослепительно белым слоном. Справа и слева было ничто. Плыть оставалось несколько метров.

– Ай, как нехорошо, такой молодой мужчин, такой молодой, – слышал Синушин чьи-то суетливые причитания, лежа на твердом горячем асфальте. Мимо прошумела машина и спустя мгновение Синушин закашлялся от воды, брызнувшей ему на лицо из придорожной канавы.

– Живой! Ха-ха, живой! – К нему подскочил улыбающийся во все тридцать два зуба таджик и с такой радостью ударил его по плечу, что еще слабый Синушин снова чуть не упал. – Я думал, ты все, друг! А ты, смотри-ка, молодец какой! Давай поднимайся, поднимайся!

Синушин принял руку помощи и сел на асфальте. В голове летали мошки, ужасно тошнило и все кружилось перед глазами. Это солнечный удар, они с Настей вчера читали по слогам симптомы…

– Водичка хочешь пить, друг? Я щас!

Таджик прыгнул в стоящий на остановке пазик, и вскоре Синушин, чуть не плача, жадно глотал прохладную минералку, щурясь на расположенные в две строки, между первым и вторым этажом, зеркальные буквы парикмахерской через дорогу.

«WE* – социальная цирюльня

*Белый слон»

Ниже, на входных дверях, вкривь и вкось были наклеены неоновые оранжевые буквы:

«Открытие 31 августа 2008 года»

Утренний луч попадал в круглого зеркального слоника, служившего в названии звездочкой, и оттуда бил Синушину прямо в глаз.

«Понапридумывают…» – раздраженно подумал он, отворачиваясь.

– А я еду, смотрю – лежишь. Думал – пьяный. Потом вижу – рукзак большой. Ну кто, думаю, будет рукзак надевать и водка пить.
– Шо тут происходит, Петр-руха, – услышали они развязный голос откуда-то сбоку.

Из арки, качаясь, вышел Леха и, ткнув пальцем в Синушина, пошел прямо к нему, норовя упасть.

– Ты шо разлегси, Петруха… О, – квакнул он, уставившись на таджика.

Тот снял панаму и утер шею, качая головой.

– Ты, Алексей, Афгане такой же непутевый был. Как толко ты жив…

Остаток слов выбился из легких вместе с воздухом, когда Леха, опомнившись от оцепенения, кинулся на шею к таджику и с силой сжал его, матерясь и плача.

Мимо остановки проехала мигающая маячками скорая, с заносом поворачивая к ним во двор.

– Настя! – охнул Синушин и, насилу высвободившись из лямок тяжелого рюкзака, побежал домой.
– Ты отпусти меня уже, да? – Таджик с трудом выпутался из объятий, усадив Леху на скамейку остановки.
– Ты живой, – пролепетал тот, ошеломленно моргая слезящимися глазами.
– Конечно, живой. – Таджик суеверно махнул на него рукой и уселся рядом. – Два выстрел было, тут и тут. – Он ткнул себя над грудью и под ребрами. – Уже, думал, умер, на дорога в черный труба стоял. Потом разозлился. Еще, думаю, чего: я, значит, мертвый буду афганской земле лежать, пока дурак Леха живой живет.

Леха громко икнул и с видимым усилием начал о чем-то думать, разглядывая пустое водительское кресло стоящего в метре от скамейки пазика.

– Что же ты, Алек… Эй! Куда! Стой!

Резко поднявшись, Леха взялся двумя руками за ручки автобусных дверей и попытался зайти внутрь, но таджик оказался быстрее: подскочив в два прыжка, он схватил его за шиворот и так сильно дернул на себя, что едва сам не упал назад.

– С ума сошел, ором шавед!

С чувством плюнув под ноги, таджик запрыгнул на подножку, и пазик, фыркнув выхлопной трубой, тронулся с места.

– Успеешь еще, – крикнул он, закрывая перед собой одну за другой обе двери-гармошки, – пока!

Взяв разгон, сине-белый пазик подскочил на кочке и растворился в воздухе.